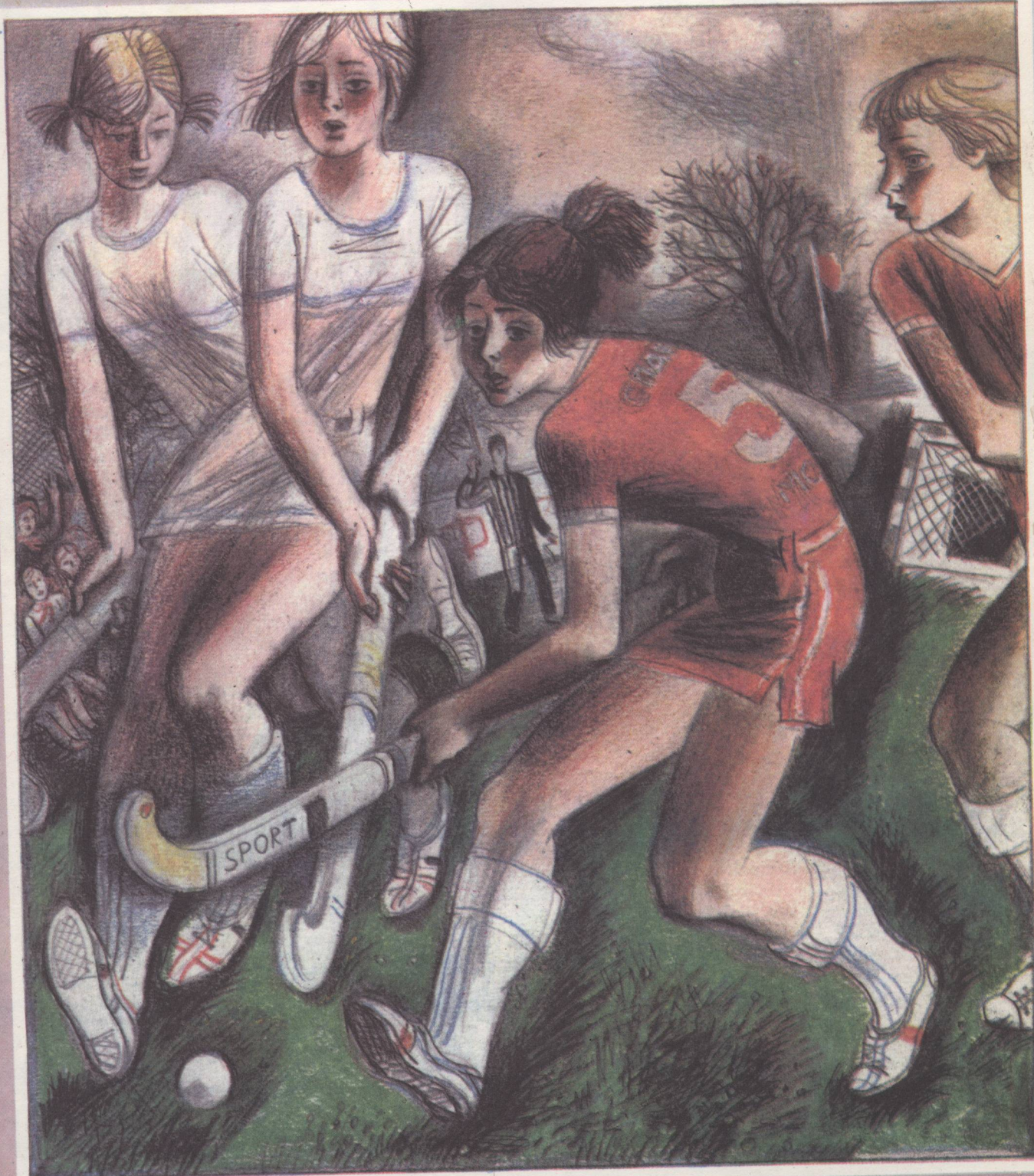

Поздравляем
с праздником
8 марта!

КОСТЁР

3 МАРТ 1979

КОСТЁР

3
МАРТ
1979

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© „Костёр“, 1979 г.

Я прочитал книгу „Мастера“.
Она мне очень понравилась.
Это книга о рабочих,
влюбленных в свою работу.
Мне нравится рабочая
профессия тракториста.
Я хочу быть трактористом.
Напишите, пожалуйста,
какие книги можно
прочитать о рабочих
и о их профессиях.

Распопов Сережа,
Телябинская область

МЫ ЛЮБИМ КНИГУ

Дорогой „Костёр“!
Я прочитал на ваших страницах
статью Анатолия Алексина.
Его повесть „Мой брат играет на
кларнете“ моя любимая книга.
Я сам немного играю 14 лет,
Иркутск
Игорь
Афанасьев.

Недавно в библиотеке я наткнулась
на книгу „Треть-брень“ Радия По-
година. Я ее скачала не хотела
читать но когда посмотрела на
иллюстрации этой книги, мне
показалось, что если я не возьму
эту книгу, то если я не возьму
и я ее взяла! допущу ошибку.
Да! Это на самом деле была
прекрасная книга.

Гайнутдинова Шама,
13 лет, г. Казань

У меня есть собака,
я назвал ее „Недопёсок“.
Передайте это писателю
Ковалю.
Анатолий Веселовский,
11 лет, г. Архангельск

Оформление А. Януса

О МУЖЕСТВЕ И ГЕРОИЗМЕ

Мы с братом
любим книгу
Сергея Михалкова
"Дядя Степа".
Брат еще не умеет
читать, а я уже
учусь в третьем
классе.
Наш отец тоже
милиционер.
Миша Воронов.
10 лет, г. Тита

Мы с большим удовольствием
прочли книгу Вадима Фролова
"Ато к телу". Мы бы хотели,
"чтобы у этой книги
было продолжение и
все герои поняли уже
это к телу, а особенно
Сама.
Кара-Баит
Зульфия и Алла, по 12 лет.

Дорогая Аня Львовна Барто!
с тех пор, как я помню себя,
я помню Ваши стихи.
Сначала их читала мне
мама, а потом я сама.
Они научили меня быть
доброй и отзывчивой к
любимым. Таня Савенкова,
15 лет, г. Москва

Недавно я прочитал книгу
"Путешествие с домашними
растениями" Н. Верзилына.
У нас очень много цветов,
они пришельцы из разных
стран. Теперь мне
наиболее интересно
стало за ними
ухаживать. Гека
Сухоручков,
4 класс, г. Воронеж

Мужество... Героизм... Как часто мы произносим эти слова. Щедро вставляем в свои сочинения. И незаметно для себя начинаем думать, что подвиг может совершить каждый, кто этого очень захочет. Так ли это?

...Он пришел в авиацию еще во время гражданской войны, первым прокладывая труднейшие воздушные трассы на Дальнем Востоке и в Арктике. Участвовал в спасении челюскинцев и стал одним из первых Героев Советского Союза. Был одним из командиров первой в мире воздушной экспедиции на Северный полюс. За его плечами множество боевых вылетов в годы Великой Отечественной войны. И организация дрейфующих полярных станций во льдах Арктики и Антарктики после войны...

Вам, наверное, уже не терпится узнать, кто этот человек. Это Михаил Васильевич Водопьянов. В издательстве «Детская литература» вышла книга его рассказов «Полярный летчик». Интересно и задушевно рассказывает Михаил Васильевич о том, как наши летчики учились летать выше всех, дальше всех и быстрее всех. Автор скуп и мало говорит о себе. Он ведет речь о своих товарищах, об их упорстве, доброте, мужестве. Но мы понимаем: для того чтобы так достоверно, просто и даже весело рассказать об этом, надо и самому быть человеком большого мужества. В коротком вступлении к своей книге он пишет: «...решил я сразу побеседовать со всеми ребятами нашей огромной страны, рассказать им то, что знаю. Мне хотелось, чтобы читатели этой книги правильно поняли то, о чем я пишу, поняли, что в жизни всего можно достигнуть, если упорно стремиться к поставленной цели, не бояться трудностей, много работать и учиться».

А теперь речь пойдет о второй книге, выпущенной этим же издательством, — о повести Анатолия Членова «Особое задание». Эта книга — о первой в мире дрейфующей станции «Северный полюс», о легендарном подвиге советских полярников Эрнста Теодоровича Кренкеля, Евгения Константиновича Федорова, Петра Петровича Широкова и о их славном командире, начальнике станции «СП-1» Иване Дмитриевиче Папанине.

«Особое задание» — повесть. Этот художественный жанр дает автору право на вымысел, на фантазию. Тем не менее, книга документальна от начала до конца. Однако эта документальность потрясает сильнее любой выдумки. И учтите еще — писателю всегда трудно оставаться один на один с действительностью. Ему мешают общепринятые представления, ему мешают даже книги, которые

уже были написаны о том, о чем он собирается рассказать. Помогает собственное знание предмета, собственный опыт. Вот почему, для того чтобы правдиво писать о правде, чтобы избежать ложной романтики, тоже нужно мужество.

М. В. Водопьянов был одним из руководителей высокоширотной воздушной экспедиции, которая доставила папанинцев на полюс и организовала там дрейфующую станцию. Именно поэтому я перекидываю мостик между двумя книгами, связываю их между собой. Но этого мало: книги объединяет не только событийность. Они однозначны в своем отношении к подвигу, к подлинному мужеству. В повести «Особое задание» есть такие слова: «Смелость, героизм и тому подобное... Я таких слов не люблю, и вы от меня их не ждите. И не пишите вы слово «подвиг» непременно с большой буквы. Его хотят совершить почти все. Но он выпадает на долю не тому, кто хочет, а тому, кто готов к подвигу. Каждый подвиг подготовлен огромным трудом. Это, по сути дела, всегда — работа. Да, да, работа, хорошо выполненная в особо трудных условиях». Говорит эти слова Иван Дмитриевич Папанин.

Сейчас наши самолеты легко достигают полюса. В Ледовитом океане уже работали десятки дрейфующих полярных станций. Они оснащены первоклассной техникой, у них есть вертолеты, тягачи, электробуры. У папанинцев ничего этого не было. Все, что сегодня выполняют на полярных станциях машины, они делали вручную.

Да, перелет на Северный полюс был прыжком в неведомое. Никто не знал тогда, можно ли совершить туда посадку, выдержат ли льды тяжелые машины? Никто не мог предугадать, как поведет себя льдина, на которой была организована папанинская станция. Никто в целом мире не мог рассчитать, какие течения и куда понесут дрейфующую станцию.

Папанинцы все 274 дня своего героического дрейфа знали постоянно о смертельной опасности. И полярный летчик М. В. Водопьянов знал, на какой риск идет, открывая арктические воздушные трассы, совершая невиданные по смелости и дерзости полеты. Но это было необходимо. Без этого нельзя было освоить Арктику. Вот почему люди шли на осознанный риск и были готовы к любым опасностям. Их звал долг, высокое служение Родине.

Не сомневаюсь, что обе книги увлекут вас. Думаю, что, закрыв последние страницы, вы всерьез задумаетесь о самом главном в жизни: как стать настоящим человеком. Заканчивая свою повесть, автор «Особого задания» пишет, обращаясь к читателю: «Первым всегда трудно. И как знать, может быть, кто-нибудь из вас, мои читатели, избрет себе в жизни трудную и счастливую судьбу — судьбу человека, идущего впереди. Счастливого вам ветра и доброй удачи в пути!»

Н. МОСКВИЧЕВА

КАК ЖИВЕТ АЭРОДРОМ

РАССКАЗ

Рисунки
Л. Иванова

РЯДОВОЙ МАША ИВАНОВА

Солдата этого звали Маша. И фамилия солдата была Иванова. Рядовой Маша Иванова.

Еще в детстве Маша очень любила читать книжки про войну, про наших храбрых пограничников, про танкистов и летчиков. И, когда училась Маша в четвертом классе, сказала однажды родителям:

— Я, когда вырасту, обязательно пойду в армию. Стану военной летчицей.

Папа улыбнулся и сказал:

— Смотри-ка, какая решительная у нас дочка!

А мама ахнула и сказала:

— Выбрось ты лучше это из головы! Разве женское это дело? Лучше стань портнихой или парикмахершей.

А старший брат Маши Ивановой, который учился в пятом классе, захихикал и сказал:

— Девчонок в армию не берут, поняла? Не берут! Не берут! Не берут! Девчонки в армии никому не нужны, поняла?

Маша же нахмурилась и ответила твердо:

— Все равно я стану военной, вот увидишь!

Прошло шесть лет, а Маша по-прежнему не расставалась со своей мечтой. Написала она письмо в училище, где учат на военных летчиков, объяснила, что и как. Скоро пришел ей ответ на бланке с фиолетовым штампом: «Очень жаль, что приходится Вас огорчить, уважаемая Маша Иванова, но девушек в училище мы не принимаем».

Загрустила Маша. Что делать? Неужели не суждено сбыться ее мечте?

Только не такой у нее был характер, чтобы отступать от задуманного. Набралась храбрости, пришла в военкомат. Выслушал ее военком, седой подполковник с золотой звездой Героя на кителе, и говорит:

— Могу тебе, Маша, помочь. Отлично сражались во время войны наши женщины-летчицы. Но сейчас мирное время, и девушек мы в армию, конечно, не призываем, нет такой необходимости. Однако добровольно поступить на службу в армию ты можешь. Станешь связисткой или оператором, или какой другой

Окончание. См. «Костер» № 2, 1979 г.

специальности по душе тебя обучат. Будешь служить в авиации. Согласна?

— Еще бы не согласна! — отвечает Маша.

Так вот и попала она сюда, к летчикам. На отлично овладела своей новой профессией. И хоть не летает она на боевом самолете, а возьмет в руки фотопленку и все видит: вот тут летчик пошел в пике, вот тут увеличил скорость, вот тут нажал кнопку, сбросил бомбы... Все может рассказать летчику о его полете. Будто сама вместе с ним побывала в полете. Вот какая у нее работа!

И теперь, когда приезжает Маша домой в отпуск, старший брат больше не смеется над ней, поглядывает на нее почтительно — крепкий характер оказался у сестры, настоящий!

КАК ВАШЕ НАСТРОЕНИЕ?

Прощались мы с Машей Ивановой и едва вышли в коридор — столкнулись с мрачным человеком. Человек этот был одет не в комбинезон, как все летчики, а в обычный форменный китель с погонами капитана. Он сделал вид, что не заметил ни меня, ни майора Агеева, но майор Агеев окликнул его:

— Что это ты, Бобриков, такой сердитый?

Тогда Бобриков остановился и в досаде махнул рукой.

— А ну его! — сказал он. — Этого доктора! К полетам, понимаешь ли, не допустил!

— Вот так-так! — сказал майор Агеев. — А из-за чего?

— Да из-за ерунды, — сказал Бобриков. — Из-за двойки по пению.

— По пению? — изумился Агеев.

— Ну да, по пению.

— Ничего не понимаю, — сказал Агеев. — Это ты, что ли, двойку получил?

— Да нет, зачем я? Лешка, сын мой.

— Ну и что? Ты-то здесь причем? Тебя-то почему доктор к полетам не допустил?

— А вот слушайте дальше, — сказал Бобриков. — Двойка по пению — это еще полбеды, леший с ней, с этой двойкой. Так он ведь подделывать ее решил, нас с матерью обмануть. Двойку стер, а четверочку в дневнике изобразил — вот такая штука! Ну, поговорили мы с ним крепко, разволновался я, расстроился, лег спать, никак уснуть не могу. «Неужели, — думаю, — у меня сын трусливым лгунишкой вырастет?» Так до утра с этой мыслью в постели и проворочался, глаз не сомкнул. А сегодня пришел на осмотр, доктор мне сразу: «Как ваше настроение? Как спали? Что-то мне ваш вид, Бобриков, не нравится. Признавайтесь — нарушили предполетный режим?» Ну и так далее. А потом и говорит: «Нет, в таком состоянии, Бобриков, я не могу допустить вас к полетам». И точка. Попробуй поспорь с ним!..

Бобриков огорченно вздохнул и пошел прочь.

— Да, — сказал майор Агеев, — с нашим доктором шутки плохи. Железный человек! Но и понять его можно: он за нас отвечает, за нашу жизнь. А с этим гражданином, Лешкой Бобриковым, придется, видно, мне потолковать по-мужски... Ишь ты, двойка по пению!

„БЕЗРАБОТНЫЙ“ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ

Майор Агеев продолжал что-то говорить про Бобрикова, но мое внимание уже привлекла дверь со странной табличкой: «Класс поисково-спасательной службы».

Как не заглянуть за дверь с такой любопытной надписью?

Оказывается, в этом классе летчиков учат, как действовать, если ты потерпел аварию. Как выжить, если остался ты один в тайге или в тундре, в пустыне или в горах. Как костер развести и как шалаш соорудить. Как без компаса определить, где юг, а где север. Какие грибы и ягоды можно есть, а какие —

нельзя. Как сигналы бедствия подавать, как спасательным поясом пользоваться — и многим-многим другим премудростям.

Но сейчас в классе было пусто. Только за крайним столом сидел летчик в комбинезоне. Он читал книжку и задумчиво барабанил пальцами по столу.

— Здравствуй, Сергей Петрович, — сказал ему майор Агеев. — Скучаешь? Нет работы? — Скучаю, — сказал Сергей Петрович.

— Ну и чудесно, — сказал майор Агеев. — Это хорошо, когда у тебя нет работы. Скучай дальше.

Станным показался мне этот разговор. Вокруг работа кипит, все заняты делом, а тут...

Я только хотел было сказать об этом, как вдруг в динамике что-то щелкнуло и по всем помещениям разнеслось: «Внимание! Поисково-спасательной группе срочно прибыть к вертолету! Поисково-спасательной группе срочно прибыть к вертолету!»

И едва раздался этот голос, Сергея Петровича уже не было рядом с нами. Он бежал к вертолету. И еще какие-то люди бежали туда же.

Но самолет в небе уже опять слушался летчика.

Это я узнал уже потом, после. А в те минуты я только смотрел на тревожно напряженное лицо майора Агеева и понимал, что не надо сейчас задавать никаких вопросов.

Вскоре самолет приземлился на бетонную полосу аэродрома.

И тут я опять увидел Сергея Петровича. Он не спеша, вразвалку шел от вертолета.

Я вспомнил слова майора Агеева, которые сказал он Сергею Петровичу: «Это хорошо, когда у тебя нет работы!», и подумал: «А ведь и верно — хорошо!»

КАК Я НАБЛЮДАЛ ЗА ВОЗДУШНЫМ БОЕМ

— А теперь, — сказал майор Агеев, — мы с вами посмотрим воздушный бой. Хотите?

Смешно было даже задавать такой вопрос! Я запрокинул голову и стал смотреть в небо.

— Э нет, — засмеялся Агеев. — Напрасно стараетесь. Самолеты сейчас за сотню с лишком километров от аэродрома.

— Выходит, мы ничего не увидим? — упавшим голосом спросил я.

— Почему же не увидим? Увидим! — загадочно сказал майор Агеев. — Идемте.

Шли мы довольно долго и наконец уперлись в дверь. Мы вошли в эту дверь и оказались... Впрочем, где мы оказались, я не сразу понял. Потому что глаза мои после яркого солнечного света не сразу привыкли к царившему здесь полумраку. Минуту спустя я увидел мерцающие оранжевым светом экраны, различил фигуры людей, склонившихся над экранами. Тут же рядом солдат-планшетист на большой

прозрачной карте-планшете вычерчивал ломаные линии — маршруты самолетов.

— Смотрите сюда! — сказал мне майор Агеев. Он показывал на самый большой экран.

Возле экрана сидел офицер с наушниками и микрофоном. Он не отводил глаз от экрана, и лицо у него было сосредоточенным и серьезным.

А на оранжево светящемся экране я увидел маленькую яркую точку.

— Это чужой самолет, — сказал майор Агеев. — То есть, конечно, на самом деле свой, наш, но сегодня играет роль противника, разрушителя.

В эту минуту на экране возникла еще одна светящаяся точка, она быстро двигалась наперерез той — первой.

— А вот и наш, — сказал майор Агеев. — Идет на перехват.

Два самолета сейчас стремительно неслись высоко в небе, вдали от аэродрома, еще не видя друг друга. А здесь, на экране, две светящиеся точки сближались, расстояние между ними становилось все меньше.

Внезапно «чужой» самолет изменил курс. Резко развернулся и пошел вправо. И точка на экране двинулась вправо.

А наш истребитель продолжал мчаться вперед. Казалось, еще мгновение — и два самолета, две точки на экране разойдутся, разминутся, так и не встретившись. Неужели «противник» сумеет ускользнуть?

Дежурный офицер все ближе склонялся к экрану и что-то говорил в микрофон.

И сразу вторая точка на экране словно приостановилась на секунду и, вдруг развернувшись, опять уверенно двинулась наперерез цели.

Но «противник» не собирался сдаваться. Теперь «чужой» самолет, видно, пытался сделать еще один разворот и зайти в тыл нашему истребителю. Светящиеся точки на экране словно кружили друг возле друга.

Мы молча следили за этим поединком. Только голос офицера, склонившегося над экраном, нарушал тишину. Отсюда, с земли, отдаленной от пилота десятками километров, он помогал нашему летчику найти цель. Он сообщал о каждом новом маневре «чужого» самолета. Он словно бы управлял боем, который шел сейчас высоко в небе.

Все меньшее расстояние разъединяло две светящиеся точки на экране. Вот сошлись вплотную, почти слились.

— Есть! — сказал майор Агеев.

Там, в небе, в эти мгновения пилот истребителя нажал гашетку фотопулемета. Уже потом, когда самолеты вернутся на аэродром, фотоленки расскажут, попал ли самолет «противника» в его прицел или «очередь» прошла мимо, расскажут, кто из двух летчиков оказался искусней, кто победил в воздушном бою...

Я думал, что теперь-то наступит передышка. Мне хотелось получше познакомиться с офицером боевого управления, который отсюда,

с земли, наводил наш истребитель на цель. Но я не успел этого сделать — на экране появились еще две светящиеся точки. Воздушный бой продолжался.

ЧТО ПОМНИТСЯ ЛЕТЧИКУ

— Товарищ майор, — сказал я, когда мы опять вышли на улицу, — а у вас бывали какие-нибудь чрезвычайные происшествия, случаи какие-нибудь исключительные, особенные, которые надолго вам запомнились?

Я давно уже собирался задать этот вопрос майору Агееву. Я нарочно приберегал его напоследок. Я был уверен, что такой замечательный, такой опытный летчик наверняка расскажет мне массу всяких историй. Я даже приготовил толстый блокнот, чтобы тут же записывать эти истории.

Но майор Агеев покачал головой и усмехнулся.

— Нет, — сказал он, — что-то не припомню я ничего такого. А если хотите знать, какой полет помнится летчику дольше всего, так я могу ответить. Вот когда слетаешь без одной ошибки, когда сам себе «отлично» поставишь, такой полет и запоминается надолго...

Эти слова я и записал крупными буквами на первой странице своего толстого блокнота. Потому что над этими словами стоило подумать!

ВОТ И СУДИТЕ САМИ

В этот день мы еще побывали: на метеостанции, где нам рассказали, какая погода ожидается завтра, у прожектористов, которые готовились включить мощные прожекторы, в летной столовой, где нас накормили сытным обедом, у солдат из роты аэродромного обслужива-

ния, которые собирали, просушивали и складывали огромные тормозные парашюты, у радистов, которые обеспечивали бесперебойную связь с самолетами, и, наконец, — у руководителя полетов.

Здесь, на аэродроме, руководитель полетов — главный хозяин. Без его разрешения не поднимется в воздух ни один самолет. Все, что происходит во время полетов в небе и на аэродроме, знает руководитель. За все отвечает.

Помещение, в котором за своим пультом работал руководитель полетов, походило на то, которое я уже видел на полигоне, только было значительно больше.

Весь аэродром был виден отсюда. Уже начинало смеркаться, вспыхнули сигнальные огни, серебристые лучи прожекторов высветили взлетно-посадочную полосу аэродрома.

С гулом и грохотом один за другим уходили ввысь боевые машины, оставляя за собой мгновенный огненный след.

— Ну что ж, — сказал майор Агеев, — теперь вы и сами можете подсчитать, сколько разных людей готовят летчика к полету, сколько разных людей помогают летчику, когда он в небе.

И я стал считать:

— Инженеры, техники, врачи, метеорологи, связисты, радиолокаторщики, прожектористы...

— Еще объективный контроль забыли, — сказал Агеев.

— И поисково-спасательную группу, — сказал я.

— И солдат аэродромного обслуживания, — сказал Агеев.

— И поваров, что готовят обеды для летчиков, — сказал я.

Майор Агеев засмеялся:

— Вот и судите теперь сами: разве можно сказать про летчика, что он остается один в небе? Один-то один, да вроде бы и не совсем один. Разве не верно?

ТЫНДА—БАМ—БЕРКАКИТ

ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА
ХУДОЖНИКА

Георгий КОВЕНЧУК
Рисунки автора

ЧЕРЕЗ ЧАС — ТЫНДА

Лечу я в Тынду. Солнце.
Хорошо видна земля. Она
сморщилась заснеженными го-

Летим
в Тынду

Идём
на посадку

Тында,
ул. Торговая

дез Мороз

Скелурочка

лубоватыми складками гор.
Единственное, что говорит о
присутствии человека, — се-
ребряное крыло нашего само-
лета с буквами «СССР» за ил-
люминатором.

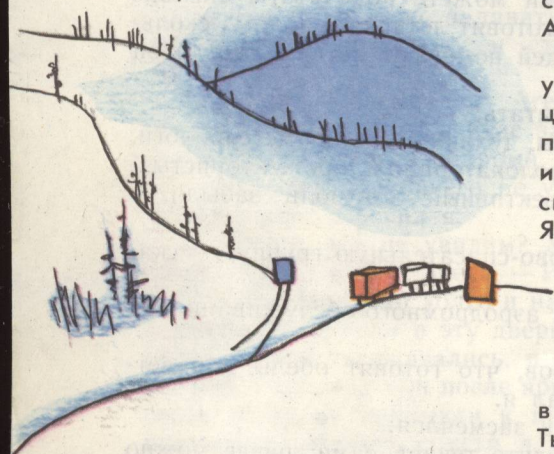
Второй раз я на БАМе. Пер-
вый раз я был на восточном
участке магистрали. Видел са-
мое начало строительства. Был
в лагере геодезистов, видел,
как рубят просеки. Побывал на
строительстве моста через
Амур.

Теперь лечу на центральный
участок строительства, в столи-
цу БАМа Тынду. Через нее
проходит Малый БАМ, линия,
идущая с юга, от Транссибир-
ской магистрали, на север, в
Якутию, до станции Беркакит.

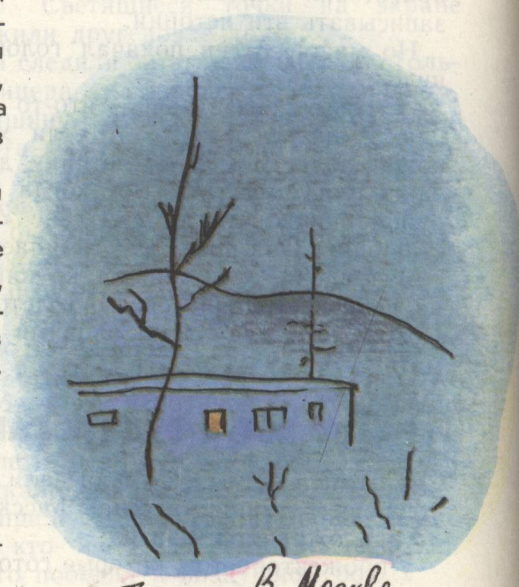
ПОСЕЛОК КОМСОМОЛЬСКИЙ

Живу в рабочем общежитии
в поселке Комсомольский. От
Тынды нужно ехать на авто-
бусе.

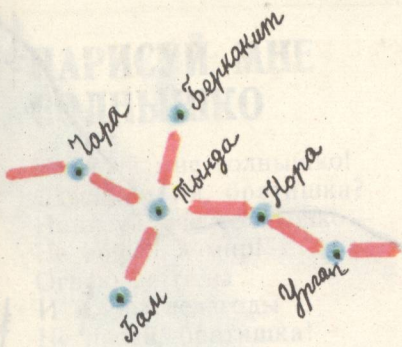
Над строительством Тынды
шефствует Москва. На улице

Поселок Комсомольский
разъезд «Южная площадь»

Тында. В Москве
полдень

Красная Пресня — уже несколько красивых девятиэтажных домов. На домах — большие эмалированные таблицы с названием улицы, прямо как в Москве.

Несколько лет назад Тында выглядела так же, как Комсомольский: бараки, вагончики, вагончик-станция, где находился дежурный. Теперь в Тынде есть настоящий вокзал. На путях стоят длинные поезда, груженные бетонными конструкциями для домов и железнодорожных мостов, платформы с разной техникой, цистерны с горючим, вагоны с продуктами.

МАЛЫЙ БАМ

А вот от Тынды до Беркакита идет совершенно новая железная дорога. 220 километров проложено через леса, болота и горы из Амурской области в Якутию. Впервые в жизнь Якутии вошло понятие «железная дорога». Путь от станции Бам до станции Беркамит называется «МАЛЫЙ БАМ».

Мост через реку Тында

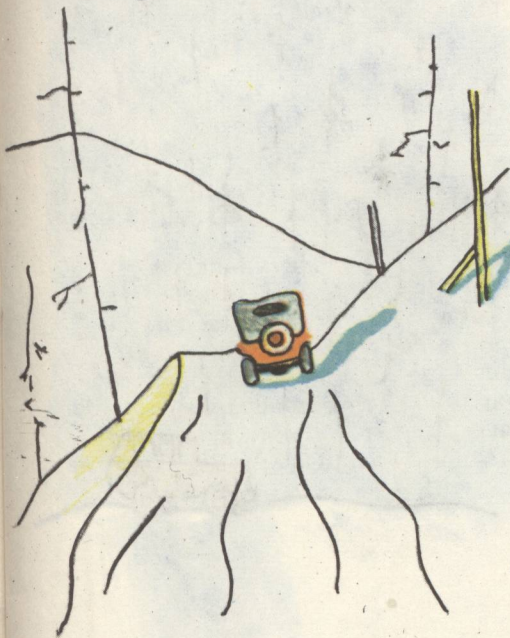

Бам, дежурная на развязке Южная площадка

БАМСТРОЙПУТЬ. КАБИНЕТ НА КОЛЕСАХ

Разговор с начальником Бамстройпути состоялся в машине, по дороге из Тынды в Беркамит. Юрий Алексеевич Чупринко рассказывал про то, как велось строительство Малого БАМа. Он сидел рядом с шофером УАЗа, а я на заднем сидении и внимательно слушал. Слушал, запоминал, а иногда то, что боялся забыть, записывал, хотя было это не очень легко, потому что машину довольно-таки сильно трясло на Аямском тракте.

Дорога на Беркамит очень красивая. Она вся идет среди высоких сопков и холмов в отрогах Станового хребта, знакомого еще со школы. Сопки утыканы редкими лиственницами и соснами. Дорога то поднималась вверх, то делала крутой поворот и шла с горы. Иногда наша машина ехала по самому краю горы.

АЯМ

Тында. Новые дома на улице «Красная Пресня»

АЯМ

Аямский тракт, или АЯМ, — это Амура-Якутская автомобильная магистраль.

Дорога соединяет станцию Невер на Транссибирской магистрали со столицей Якутии. Раньше по этой дороге шли караваны одногорбых монгольских верблюдов. Теперь навстречу мчатся КамАЗы, КраЗы, БелАЗы. По краям дороги много дорожных знаков. Петляет Аямский тракт между сопками, петляет полотно железной дороги. То она покажется слева тоненькой полоской под крутым склоном сопки, то через некоторое время ее можно увидеть справа, то видна только выемка, в которой проходит дорога. Если на пути дороги попадается преграда в виде горы, а обогнуть ее нельзя, то в горе роют туннель, а если гора не слишком большая, то делают выемку. Взрывники пробивают проходы для дороги. Таких выемок много на пути до Беркакита, а туннель тут один и называется он Нагорный.

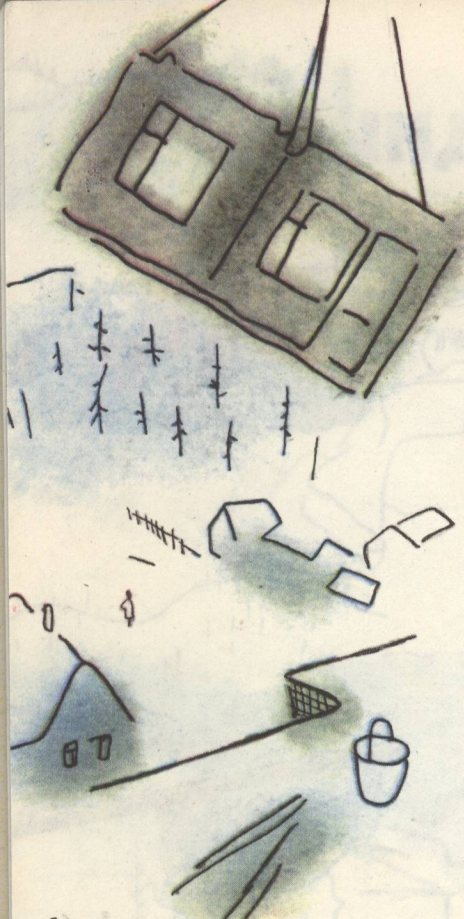
— Вот сейчас мы едем как раз над туннелем, — говорит Юрий Алексеевич. — Туннель пробивали с двух сторон, с севера и юга, московские и ленинградские метростроевцы. Строили зимой в лютые морозы. Нелегко дался строителям этот туннель, вот почему они знают длину туннеля до одного сантиметра.

Несколько раз мы проезжали и под железной дорогой, под железнодорожными мостами, их на пути до Беркакита много!

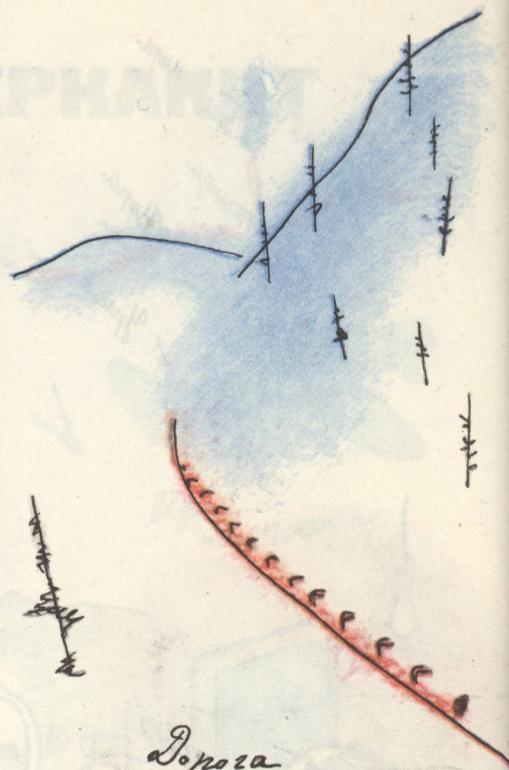
— Вот смотрите, — говорит Юрий Алексеевич, — это кедровый стланик. — Я посмотрел в окошко и ничего особенного не увидел, кроме заснеженных полей слева и справа. — Он сейчас под снегом, это такой кустарник, на зиму он ложится, а как растает снег, он поднимается. У него очень вкусные орешки.

Внимательно поглядев, я различил под снегом ветки этого стланика.

Окончание следует

Ещё один этаж

Дорога на Беркакит

Остановка в пути

НАРИСУЙ МНЕ СОЛНЫШКО

Нарисуй мне солнышко!
Слышишь ли, братишка?
Нарисуй мне солнышко —
Не войну, а мир!
Огненные годы
И войны невзгоды
Не рисуй, братишка!
Лучше оглянись:
Поле зацветает,
Небо голубое,
Счастье расправляет
Крылья над тобой!
Ты расти веселым,
Смелым и здоровым!
Не рисуй, братишка,
Войн карандашом.
Нарисуй мне солнце!
Понял ли, братишка?
Нарисуй мне солнышко,
Не войну, а мир!

*Инна Максимова,
Воронеж*

КРУЖЕВА НА СНЕГУ

Хрустит со звоном под ногами
Снег-серебро в морозный день
И солнце тонкими лучами
Мою в пути качает тень.

С холма на холм — и вновь равнина.
Иду я к лесу напрямиком,
И кружева следов звериных
В снегу разбросаны кругом.

Вот след глубокий с речкой рядом
В лозняк нечесаный ведет;

Кабан, отбившийся от стада,
Залег на кочки — ночи ждет.

А вот ушастик косоглазый
Искал чего-то в лозняке...
Вдруг след пропал, и я не сразу
Нашел его невдалеке.

Прыжок — от хищников защита.
Спугнул зайчишку кто-то вдруг...
И гладь, как нитками, прошита
Следами лисьими вокруг.

*Александр Исаченков,
город Починок*

ГОЛУБАЯ ДЕВЧОНКА

Стоит вдали девчонка в косынке голубой,
С глазами голубыми, с улыбкой озорной.
Стоит вдали, смеется и машет мне рукой,
Мне кажется: девчонки я не встречал такой!
Девчонка улыбнется — и солнышко блеснет,
Девчонка засмеется — оно мне подмигнет.
Девчонка голубая к себе меня зовет,
А я все не решаюсь: шаг сделаю — уйдет...

*Таня Правдивая,
7-й класс,
Новгород-Северской
школы-интерната*

Пионеры всей страны делу Ленина верны!

На встрече
с юнкорами

Есть такая профессия на селе — доярка.

Это благодаря ее умелым и трудолюбивым рукам на вашем столе — свежее молоко, сыр, сметана, масло...

Нелегкая эта профессия. ...Живет в деревне Кузовково Калининской области семья Громоных. Отец — Иван Осипович — тракторист. Мать — Мария Ильинична — доярка. И три дочери: восьмиклассница Лена, шестиклассница Марина, четвероклассница Надя. Дружная семья. Три сестры — три подружки.

Уважают доярку Марию Ильиничну ее односельчане, и в семье Громоных с почетом относятся к матери.

С первого класса стала ходить на ферму помогать маме старшая дочь — Лена. Через год вместе с Леной научилась доить Марина. И вот уже тре-

ВЕСТИ
С МАРШАВ классе
порядок

Мы были в гостях у рабочих производственного объединения «Кировский завод». Чисто и красиво у них в цехе!

Мы решили не отставать от старших. Четверо мальчиков из нашего класса теперь следят за порядком: чтобы никто портфели на пол не ставил, а вешал на крючки, чтобы на стульях никто не раскачивался, чтобы парты не царапали...

Спасибо
Отрядцу!

Одно время у меня неблагополучно было с алгеброй и геометрией. Сижу за уроками по долгу, а прихожу в школу с невыученными уроками... Не только тройки, а и двойки были.

Мне охотно стал помогать Дима Филатов. Домой приходил, чтобы вместе подготовить домашнее задание. Скоро я почувствовал себя уверенней. И на общественную работу стало время оставаться. Теперь не остаю от других и в сборе макулатуры и в сборе металлолома для поездов БАМа.

Интересно стало в школу ходить. Поверил, что могу учиться не хуже других.

Сергея Суцкого,
6-й класс, школа № 60,
Тула

Все делаем
сами

Мы хотим, чтобы в нашей школе всегда было уютно. Принесли из дома цветочные горшочки, достали земли, посадили цветы. Самый красивый кабинет у нас — кабинет биологов: на столах, окнах, подставках стоят комнатные растения. Замечательно, когда цветут нарциссы и тюльпаны! Наш учитель биологии Леонид Евгеньевич подсказывает нам, если что не так...

В школе есть аквариумы с рыбками, за ними тоже ребята ухаживают. Во дворе школы летом расцветают сотни клумб, все ребята охотно трудятся на пришкольном участке. Урожай картошки, кукурузы, цветной капусты, помидоров, льна, подсолнуха бывает очень высоким. А потом делаем наглядные пособия для учеников пятых-шестых классов. Оказывается, все делать самим очень интересно!

Оля Кондрашова,
7-й класс, школа № 274,
Ленинград

...не царяпали...

тый год приходит на ферму Надя.

Каждый день, придя из школы и сделав уроки, бегут сестренки Громовы на ферму. У каждой девочки своя люби-

мая «подшефная». У Марины — Аза. У Нади — Волга. А всего у девочек по девять коров. Так сестры Громовы помогают маме, помогают колхозу.

От лица всех юнкоров "Бабрабан" поздравляет сестер Громовых и их маму Марино Зилькину с Международным днем родным дном

Обязательно каждый месяц сами проводим генеральную уборку, поэтому в классе всегда чисто.

Наши мальчики взялись починить шкаф. Сначала решили отциклевать его, потом покрыть лаком. Очень поцарапанный был шкаф. Не хотели им эту работу доверять, боялись, не справятся. Но ребята настаивали: «Сами испортили вещь, сами и починим».

На видном месте в классе висят наши обязательства о сохранности школьного имущества. Все ребята заметно подтянулись: слово дали — нарушать нельзя!

Недавно наш класс первый раз дежурил по школе. Это потруднее, чем в своем классе поддерживать порядок. Приходилось замечания делать даже старшеклассникам. Один девятиклассник бумажку бросил, а поднимать не хотел. Но ничего, потом поднял. Первое дежурство прошло хорошо.

Женя Щедрова,
6-й класс, школа № 274,
Ленинград

Дружим с ткачихами

Пионеры нашего отряда стали гораздо лучше учиться, когда над нами взяла шефство бригада коммунистического труда фирмы имени Дзержинского.

Ткачихи работают замечательно. Как-то вечером мы видели в программе «Время» лучших работниц этой фабрики. Среди них были и наши знакомые. Ведь в трикотажном цехе мы не редкие гости: нас всегда встречают радушно!

Тая Пашкина,
Надя Омарова,
5-й класс, школа № 54,
Алма-Ата

Перелисьвайся с летящей

У нас был сбор, на который мы пригласили своих мам и бабушек. Ведь среди них тоже есть ветераны войны и труда. И даже герои труда!

Как-то мы прочитали книгу «Героини». Там есть история боевого пути летчицы Анны Егоровны Тимофеевой, Героя Советского Союза. Отважно сражалась с фашистами Анна Егоровна.

Нас заинтересовала судьба замечательной женщины, героини Великой Отечественной войны. В книге мы нашли ее адрес, она живет в Москве. Решили написать ей письмо. Написали и очень быстро получили ответ. Теперь у нас идет постоянная переписка. В этом учебном году все пионеры нашего отряда борются за то, чтобы отряд носил имя А. Е. Тимофеевой.

Марина Сорокина,
6-й класс, школа № 138,
Ленинград

В ШКОЛЬНОМ ПЛАВАТЕЛЬНОМ БАССЕЙНЕ

Инита Силага,
содол Пиелвалла Латвийской ССР

ТАК МЫ ЖИВЁМ

Мне кажется, не все ребята хорошо представляют себе, как можно считать одной семьей большущий школьный коллектив, где даже не десятки, а сотни человек. В том числе ровесники, одноклассники.

Я хочу рассказать о своем втором родном доме — школе-интернате, где мы учимся. Я, например, со второго класса.

НАШ ФОТОКОНКУРС

Вот с
какой
улыбкой
Ежик!

У нас дома живет ежик. У него особенный характер: когда ежик рассердится, — начинает пыхтеть.

Ночью бегаёт, стучит коготками, мешает спать. Утром безмятежно завтракает. В это время я его и сфотографировал.

Володя Майоровский,
село Бугусово
Тюменской области

«природа». Школа-интернат занимала несколько раз подряд первое место на этой выставке, хотя в ней участвуют и взрослые жители нашего города.

По заданию Академии науки мы проводим опыты по цветоводству. Нам, северянам, цветы особенно дороги и нужны. С огромным удовольствием наши ребята занимаются исследовательской работой. Одно из любимых у нас выведено 46 сортов. Наши цветы ездили в Москву на Выставку достижений народного хозяйства. Шестеро школьных цветоводов — Зоя Ташлыкова, Валя Кучаева, Таня Михайлюк, Катя Безносикова, Сережа Скворцов и я тоже награждены медалями ВДНХ.

Маша Прокушева,
9-й класс,
школа-интернат № 1,
Сыктывкар

ПОМОГ МАМЕ

Мама к Вове обратилась:

— Что с тобою приключилось?
Ты вчера во всю старался,
За любое дело брался,
Все дрова переколол,
Даже в кухне вымыл пол.
А сегодня утром снова
На тебя напала лень!
И ответил маме Вова:
— Ведь вчера был женский день!

Боря Ефимов,
Северодонецк

ПЕСНЯ АКЫНА

Фрида Борель,
Джамбулская область,
поселок Берлик

Картины
Е. Честнякова

ДВЕ
ЖЕНСКИЕ
ФИГУРЫ

ТОПЯТ БАНИ

НАШ ФЕСТИВАЛЬ

КОЛЯДА

Художник, поэт, сказочник Ефим Честняков родился в 1874 году в Костромской губернии. Выходец из крестьянской семьи, Честняков считал, что люди искусства обязаны нести в народ «могучую универсальную культуру». И побывав в Петербурге и услышав там о своем таланте самые добрые слова от известнейших художников того времени, он все же поселяется навсегда в родной деревеньке Шаблово Кологривского уезда, вновь берется за крестьянскую работу.

Благодаря поискам сотрудников Костромского музея изобразительных искусств (В. Игнатьев и др.), а также заботе московского реставратора С. Янщикова, большая часть картин, рисунков, рукописей Честнякова в настоящее время собрана и восстановлена.

ХУДОЖНИК ЧЕСТНЯКОВ

РАССКАЗ

Лев КУЗЬМИН

В костромском краю, за кологривскими сосновыми борами, за невысокими горами в деревеньке Шаблово жил-был мальчик Ефимко.

Жил он с отцом, с матерью, с бабушкой да с дедушкой и поначалу ничем таким замечательным от других деревенских ребятишек не отличался. Весною по теплым проталинам верхом на прутике скакал; летом с мальчишками по лужицам шлепал; зимою с ледяных горок на лыковых лапоточках катался; а еще любил бабушкины блины да лепешки уплетать. И когда науплетается, так опять за игру, опять бежит на горку к друзьям-приятелям.

Словом, был Ефимко таким, как все, и вырос бы таким, как все, да стала в нем мало-помалу открываться одна особенная. Все, что Ефимко ни увидит, все ему хочется нарисовать.

И дом свой с зимним солнышком в окошке хочется нарисовать, и печку, в которой бабушка Василиса лепешки печет, и улетающий в небо дым из трубы, и птиц в небе, и всю заснеженную деревеньку Шаблово с ее широкой улицей, с колодцами и с белыми от инея палисадниками.

Но хотеться-то хочется, а не каждый рисунок у малыша Ефимки сразу выходил. И кроме того, он дедушки своего стеснялся.

Дедушка Самойло был строгий и очень работающий. Все в доме еще только просыпаются, а он уже давно в железный светец горящую лучинку вставил и при этом свете сидит на лавке, подковыривает Ефимкины изодранные по ледяным горкам лапотки.

Подковыривает да на всех этак хмуро, изпод бровей взглядывает: «Шевелитесь, мол, шевелитесь! Кто рано встает, тот и дальше шагнет. Работы всякой больше наработает».

А как домашние поднимутся, умоются, к столу завтракать сядут, так он и тут опять за дела.

По избе еще холодный пар от порога катится, а дедушка уже за крыльчком топором потюкивает, к новой весне новую соху или бороноу ладит.

В общем, все в дедушкином доме с утра до вечера хлопочут, всех дедушка где словом, где примером подгоняет, лишь одному Ефимке ничего пока не задает.

Но сам Ефимко понимает уже: в деревенском деле все держится на собственных руках. Поле твое никто за тебя не вспашет, урожай не соберет, и даже сытный, теплый каравай испечь надо вот здесь, в своей печке. И всякую работу и дедушка, и бабушка, и отец, и мать делают изо дня в день ради этого каравая; а вот рисунки рисовать хотя и приятно, да Ефимко боится, как бы дедушка не сказал: «Нашел заделье! В крестьянстве оно для чего? Какая в нем польза? Брось, паря, не тому учишься... Наша забота — хлеб растить да людей кормить, ну и себя, конечно, тоже!»

Но тут вскоре праздник наступил. В соседней деревне у родственников была свадьба. На свадьбу съехалось полно гостей, прикатил туда и дедушка Самойло со всем своим семейством, а стало быть, и с Ефимкой. Гуляли там, пировали хорошо и долго, а под конец развеселившиеся мужики-гости стали друг перед другом немножко хвастаться. Кто чем, а главное — детьми да внуками.

Кто говорит, что у него старший сын-сыннице таким ужасным силачом вырос, что ежели где на дороге под горой застрянет телега, то он лошадь и понукать не станет, а выпряжет ее, сам за оглобли возьмется и телегу прямо с поклажей из-под горы наверх и выкатит.

А другой похвалебщик папаше силача тоже не уступает. Тоже говорит, что он отец, у которого сын молодец! На сенокосе, на лугах за этим молодцом и десять лучших косарей не уганиваются...

Дедушка тоже за столом сидит, слушает, в бороду посмеивается, да вдруг и заявляет:

— Шибко у вас, господа-мужики, ваши детушки замечательные. Да только и мой внучек Ефимко куда как неплох! Силою да сноровкой многие похвалиться могут, а вот такого уменья, что у Ефимки в руках, нигде ни в одной здешней деревне еще не бывало и нет. Желаете, он вам картину сейчас нарисует?

— Желаем! — загалдели все гости, а маленький Ефимко от такой внезапности весь покраснел и даже под стол полез.

Но расходившийся дедушка спрятаться не дал, подхватил внука под мышки, усадил к себе на колени и скомандовал:

— Подать сюда бумагу и карандаш!

Карандаш у хозяев избы нашелся большой, плоский как дощечка — плотничий. Бумага хрустящая, синяя, — в ней сахар был раньше завернут.

Ефимко ухватил неловкий карандаш, волнуется.

А бабушка рядом стоит, внука тихонько по спине ладошкой поглаживает:

— Не бойся, Ефимушко, не бойся. Люди тут все свои, все — добрые. Порадуй их, если просят...

И тогда Ефимко смущаться почти перестал, загородился горсточкой и нарисовал на синей бумаге вороную лошадку.

А как нарисовал, так мужики эту лошадку сразу схватили и давай друг у друга отнимать, разглядывать:

— Ну, друг Ефимко, ты и впрямь мастак! Мерин-то у тебя вышел совсем как ваш Чуйко... Вон и на лбу лысинка.

Один же мужичок картинку даже рукой погладил и шелкнул по бумаге радостно и сказал:

— Поехали, Ефимушко, прямо из этих гостей ко мне в гости. Ты там и мою Карьку на бумаге нарисуешь, а я рисунок на стену в рамку повешу. Пусть мои ребятишки смотрят, учатся, ватрушками тебя за это потчуют.

И все тоже наперебой хвалят, все приглашают, а у дедушки в глазах словно две веселые свечечки горят.

— Никуда, — он усмехается, — наш Ефимко не поедет, ему и дома хорошо. Если кому что нарисовать надо, милости просим в нашу деревню. Ефимко и безо всяких угощений вам все изобразит. За красоту-удовольствие мы — Честняковы — ни с кого платы не берем ни медной, ни серебряной деньгой, ни даже ватрушками. А лошадку эту жениху да невесте преподносим. Пусть любят, пусть вспоми-

нают моего внука Ефима Васильевича Честнякова.

С той поры Ефимко с дедушкой подружился крепко-накрепко. И рисовать при нем перестал стесняться и, более того, если дедушка собирается куда-нибудь недалеко на работу, стал напрашиваться к нему в помощники. Особенно интересно было с дедом снопы осенью в овине сушить.

Овин — высокая, похожая на башню постройка. Там на самом верху, на жердях, снопов ржаных понаставлено полным-полно, а внизу под ними горит костер.

От костра жарко. По закопченным стенам тени прыгают. По крыше осенний дождик шибуршит, а дедушка жмурится от дыма, покашливает и рассказывает про всякую жуть-нежить.

— Вот сидим мы, Ефимко, а кикимора с домовым тоже тут. Прячутся по темным углам... Нам с тобою дело надо делать, снопы сушить, огонь караулить, а им — озорничать. То красным угольком на одежду мужику-караульщику стрелнуть, то дыму ему под самый нос так подпустить, чтобы чихал потом мужик целую неделю и не прочихался... Если же не дремлет караульщик, они возьмут, на окошечко-отдушину сядут, ножки свои кривые свесят и воют. Напугать стараются, безобразники!

У Ефимки от таких речей мурашки по спине.

Дед, увидев испуг мальчика, спохватывается:

— Да ты не трись. Мы ведь с тобой не спим. А кроме того, я хороший способ против них знаю. Слетай-ка к бабушке, спроси у нее тот битый кувшин, что в чулане под полкой лежит. Мы этот кувшин домовому с кикиморой

Рисунок О. Филипенко

подбросим, и они уймутся. Ведь кувшин-то хотя и без донца, да зато с горлышком, с дыркой, а для них самое разлюбозное занятие — в первую попавшую дырку на месяц смотреть. За этим занятием им совсем и не до нас будет.

Ефимко выбирается на четвереньках из овина и, взглянув на лохматые тучи, вскакивает на ноги, мчится что есть духу к избе. Ему теперь уже и не мерещится, он теперь уверен, что прыткая кикимора с домовым скажут за ним по пятам.

В избу Ефимко влетает пулей и сразу суется бабушке в колени. Сметливая бабушка мигом откладывает в сторону веретено с пряжей и говорит:

— Ну вот... Ну вот... Досиделся с дедушкой-то, понаслушался! А ты ему не верь. Кикимора совсем и не такая, как дед обсказывает. Она ти-и-хонькая-тихонькая, ма-а-хонькая-махонькая, на вот этакую, с твоей согнутой пальчик, старушонку похожа. Сидит себе в уголочке и, так же как я, ниточку прядет. Для пауков прядет, на тенета прядет, а пауки потом с ней пылинками рассчитываются... Соседушко-домовой тоже нестрашный и тоже при деле. Шапка у него с горшок, сам с вершок, ходит по амбарам, по клетям да мышей считает. И если насчитает много, то сердится, конечно. Сердится, что хозяйева кот-лодыря завели. И тогда начинает стучать по мышинным норкам сам и стучит до той поры, пока в доме кот не переменят.

— А у нас не стучит? — поднимает голову от бабушкиных коленей Ефимко. И в глазах его испуга уже нету, а одно лишь огромное любопытство. — Наш кот не ленивый?

— У нас попробуй заленишься... С нашим дедом не больно заленишься! — смеется бабушка и добавляет: — А насчет проказ, так тут вот грешен домовый. Ох, грешен! Сметану любит с кринок слизывать. Подойдет — и лизнет, подойдет — и лизнет... За это его еще и Лизуном кличут. Но и тут он порядок не нарушает. Если кринка под крышечкой, то крышечку сдвигать не станет ни за что. Ночью в ту чашку, из которой кот кормим, заглянет, остатки молока там допьет. И сам этим молоком обойдется, да и подружку свою, кикимору, из этой же чашки угостит... Порядок и добро все любят. Ты, Ефимушко, тоже старайся, для доброго дела живи, — приходит вдруг к выводу бабушка.

— А если битый кувшинчик кикиморе подбросить, так это получится добро?

— Добро, Ефимушка, добро... Поди, брось. И вот Ефимко мчится обратно под овин к дедушке и подает отбитое от кувшина горлышко с ручкой, а дедушка с самым серьезным видом выбрасывает это приношение за узкое волоковое окно.

Ефимко припадает к окну, но ничего там не видит. Там тьма, шуршание крапивы под мокрой стеной и стук последних капель уходящего дождя.

Тогда Ефимко подсаживается ближе к костру, к дедушке, подбирает обгорелый прутик и пробует на толстом березовом обручке кикимору и домового нарисовать сам. Они теперь точно такие, как говорила о них бабушка. Ростом крохотные, смешные, и смотрят через обломок кувшина, через горлышко на ясный рожок месяца.

А дедушка смотрит на Ефимку, гладит его по голове и вздыхает:

— Вот вырастешь и уедешь из-за своего рисования в город Питер. Настоящие-то все художники, я слышал, во столице, в Питере живут... Уедешь, да нас с бабушкой и позабудешь.

Но вырос Ефимко, стал Ефимом Васильевичем и ни в какой город поначалу не собирался — пошел в сельские учителя.

Учитель из него получился отличный. Ребята в нем души не чаяли. Так бывало вокруг него и роятся, так и роятся, потому что он не только азбуку да цифры хорошо объяснял, да еще и очень веселый был.

У него в классе для ребятшек что ни день, то праздник. Закончит уроки, раздаст всем домашнее задание, а потом этак хитренько поглядит на всех, да тут же и скажет:

— А сейчас отдохнем, да песенку споем, да представим, что мы будто бы в театре.

И берет со своего учительского стола широкий-преширокий лист бумаги, заранее тут приготовленный, и приподымает его, распахивает перед собой, словно ширму, а если точнее сказать, так словно большой платок. И вот встряхивает им и вдруг заводит смешным, тоненьким, «под девчонку», голосочком:

— Плат малиновый на жердочке!
Ала ниточка в оберточке!
Я хотела сарафан подшить,
Да пора мне на лужок спешить.

Опять притопнет, опять всем подмигнет, да тут и обернет бумажный-то лист другой стороной к классу.

А там, на другой стороне листа, и в самом деле целый детский хоровод посреди уютной деревеньки. Только не настоящей, конечно, деревеньки, а нарисованной. Мальчики и девочки со свистульками, с бубенчиками ходят по ярко разукрашенному кругу, по лужку, а на это их веселье и вся остальная деревенская публика сбежалась. И сразу видно, что народ тут, в этой деревеньке, не какой-нибудь так себе обыкновенный, а очень добрый и даже сказочный.

Но сказки сказываются быстро, да не скоро складываются. Ведь сказки у Ефима Васильевича были все нарисованные, а вот в рисунках-то своих он все еще сомневался и сомневался. Он все думал: «Хороши ли они у меня? Деревенским ребяташкам труды мои в радость, отцам-матерям ребяташек в радость, а что скажут настоящие художники? Если увидят, не забракуют ли?»

Думал, думал, весь даже истосковался от таких дум, да наконец решился. Взял расчет у школьного начальства и поехал прямо в Петербург к настоящим художникам.

А настоящие-то художники, знаменитые мастера-профессора Савинский, Мясоедов, Творожников и даже сам Илья Репин как посмотрели на честняковские хороводы, на веселых мальчиков, девочек да на старичков-боровичков, так тут же в один голос и сказали:

— Нечего и сомневаться! Вы тоже хороший художник. А поучитесь, станете еще лучше.

И вот учится Ефим у профессоров, и они его хвалят все больше и больше, а сам он нет-нет да вдруг и подумает: «Ну, брат Ефимко, напророчил тебе твой дедушко Самойло. За вело тебя твоё рисование вон на какую высь — в самую столицу российскую... Да только гляди, брат, как бы не сбылась и вторая половина дедушкиных предвещаний. Как бы Шаблово свое родное тебе и впрямь не позабыть, как бы тебе тут насовсем не остаться.

Но раз так подумал, то и не остался. Спустил время засобиравшись домой.

Удивились, конечно, профессора:

— Чудесите, Ефим Васильевич! Ваши картины-сказки пора везти во Францию, в Париж или, в крайнем случае, тут в Петербурге, в музеях выставлять, а вы их обратно в деревню... Кто их смотреть там будет?

А Ефим улыбается:

— Как это кто? Ребятишки! Я им обещал... Шабловские ребятишки в Париж съездить не могут, в Питер тоже не могут, а это ведь все нарисовано для них... Нет, нет, должен я со своими картинами только домой и домой ехать.

Выслушали Ефима профессора, пожалели плечами:

— На что жить станете в деревне? Землю приметесь пахать? Ведь в деревне картин ваших никто не купит.

— А я и не продам, — смеется Ефим. — Мне еще мой дедко говаривал: «Мы, Честняковы, за красоту-удовольствие ни с кого платы не берем ни медной, ни серебряной деньгой, ни даже ватрушками!» А крестьянской работы я не боюсь, приучен к ней сызмала. Вам за науку тоже спасибо. Теперь моя дорога — только домой и домой.

Так вот и сочли питерские художники Ефима чудачком и очень за него огорчились, да зато обрадовались возвращению Ефима домой шабловские ребятишки. Они такого чудесного гостя к себе только и ждали, а как дождались, так хоть и от избы его не отходи с первого же часа, с первого же дня.

Да Ефим и сам дела в долгий ящик не откладывал. Как приехал, так собрал всех ребятишек на зеленую лужайку под шумные родные березки, раскрыл дорожный сундучок и раздал всем новенькие чистые тетради и разноцветные карандаши.

Каждый карандаш тоже новенький и уже заточен. Ребятишки ими любят, вдыхают их расчудесный запах, даже лизнуть пробуют, а Ефим улыбается:

— Эти карандаши не для лизания, а для рисования. Кто сейчас тетрадку раскроет да что-нибудь в ней нарисует, тот мне и дружок.

И все сразу в тетрадки уткнулись, все сразу засопели, запыхтели, принялись рисовать. Кто зеленую корову на двух ногах нарисовал, кто желтую курицу на трех лапах, кто собаку с пятачком, словно у поросенка, кто поросенка с хвостом, словно у собаки, — и всех Ефим похвалил, всех назвал своими друзьями, и все, конечно, опять стали радоваться.

И начал жить-поживать Ефим опять в деревне, дружить с ребятишками, дружить с их отцами, матерями и, так же как все они, работать по крестьянству. Начинать все заново было трудновато, да на дело на всякое Ефим был в дедушку быстр, ухватист и к деревенским заботам привык скоро.

И не только привык, а меж делом возьмет да еще и веселую песенку сочинит.

Особенно любил он сочинять на току, на молотье, когда там народу собиралось много. А было это уже после революции, когда шабловские мужики стали вступать в первые коллективы. Правда, не шумело, не гремело тогда еще по деревням ни комбайнов, ни тракторов, но и все равно всем-то миром работать было веселей, охотней. А Ефиму — человеку компанейскому — это особенно нравилось. Вперед всех он поутру на ток, на молотье бежит.

В Ефимовой избе бывало куда весело.

На деревне еще только-только печки затапливают, а к Ефиму уже гости валят. Да гости-то все мал мала меньше и одеты кто во что. Кто в мамкину шаль так укупорен, что одни лишь глазенки да мокрый носик выдать; кто в тяткиных широких валенках бредет, едва ноги переставляет; а кто и прямо так, как заяц, скачет через сугробную улицу чуть ли не босиком, боится, как бы в Ефимовой избе самое лучшее место возле стола не захватили.

А стол этот шириной в пол-избы, на столе — город белокаменный! Вернее, не белокаменный, глиняный, но все равно расчудесный. Выстроил и населил его раскрашенными глиняными чепчечками сам Ефим. Чепчечки по домам, по теремам, по переулочкам не просто так расставлены — они тут живут. Они в гости друг к дружке ходят, пирогами друг дружку угощают и, конечно, работают. И все, что нарабатывают, все делят на всех, и от этого в городе — всем хорошо.

А про то, что зимний день короток, про то, что и домой пора бы, ребятишки и не вспоминают. Им тут, у Ефима, тоже дом родной!

И вот они стараются, шлепают ладошками по глине, а Ефим их всех успел уже горячей картошкой угостить и снова подбросил в маленькую печку-подтопок жарких березовых поленьев, раскрыл свой заветный сундучок, вынул кисти да краски и тоже берется за работу.

Всю свою долгую жизнь Ефим трудился не для себя, для людей, для их ребятишек. И добрая весть о нем покатила краснобоком яблочком сначала по Шаблову, потом по ближним деревенькам, потом — по дальним, дошла она и до больших городов.

**ЗНАКОМЬСЯ:
ТВОЙ
РОВЕСНИК!**

ВСЕГДА ГОТОВЫ!

Познакомился я с ними в разных местах Белоруссии.

Ваня Дубовик живет в Брестской области и учится в Слободской школе. Адрес Марийки Аскерко: Гродненская область, село Буглацкие Лычицы.

Ребята как ребята. И все-таки о каждом из моих новых друзей есть что рассказать.

ВАНЯ

Ночью, не переставая, лил дождь.

— Э-эх, дорожка! — только и мог сказать поутру Степан Михальчук, колхозный шофер.

Ехать в район все равно надо было: почту везти, запчастки к грузовикам, да еще прихватить деда Афанасия. Выписывается из больницы. В кабине рядом со Степаном приютилась бабка Мария: взбрело ей в голову самой отправиться за стариком в такую непогоду!

Морщинистое лицо бабки Марии делалось бледным, когда автомобиль, скользя колесами, начинал сползать куда-то в сторону. Чертыхаясь, Степан доставал из-под сиденья лопату и прыгал в черную грязь.

На одном из пригорков грузовик засел основательно.

Замахал Степан лопатой, видит: приближается к машине стайка школьников. Хлопчик в резиновых сапогах с загнутыми голенищами подошел, присел, глянул под машину и, почесав затылок, присвистнул.

— Ваня! — позвал кто-то из ребят. — Пошли! Опаздываем в школу!

— Сейчас, — отозвался мальчуган, стаскивая висевший на плече портфель. Выбрав из груды камней возле обочины плоский булыжник побольше, Ваня подложил его под колесо, потом еще. Пока водитель копал землю, паренек успел замостить участок дороги.

— Эй, будет копать, шофер. Трогай помаленьку!

Степан залез в кабину, машина задрожала. Ваня всеми силами уперся в грузовик сзади. Из-под колес полетели струи грязи. Наконец машина вырвалась на ровное место.

— Хорош! Молодец, шофер! Степан вымыл в луже руки, взял с крыла портфель и протянул его хлопчику.

— Погодь, погодь! Да это не ты ли?

Степану припомнился жаркий августовский полдень. Этот же проселок тогда был сухой, пыльный.

...Сидит Степан Михальчук за баранкой, видит: посреди дороги мальчишка. Руку поднял:

— Стой! У тебя из кузова зерна падают!

— Врешь, парень! — Степан осмотрел кузов: едва заметная щелка. Из нее десяток зерен упадет на километре — не больше.

— Ну-ка, ходи с дороги! — крикнул мальчишке Степан трогая грузовик. Хлопчик стоял раскинув руки, широко расставив ноги.

Пришлось заделать Степану щель, задержаться. Ох и зол же он был на этот «зерновой патруль»! И вот, пожалуйста, встретились!

— Так это, верно, ты, патруль? Помнишь?..

Ваня принял от водителя свой портфель:

— А чего же? Помню... — и пошagal по дороге в ту сторону, где чернело село Слобода.

— Выкарабкались? — вздохнула бабка Мария, когда Степан снова сел с ней рядом и повел грузовик. — Ну и слава богу! Небо-то, гляди, разголубелось... — Проехали чуть-чуть молча. — А Ванюшка-то, что нас вытаскивал, Марфушин сын. Знаешь телятницу Марфу Дубовик? Ее хлопчик... Как старика своего в больницу я отвезла, так Ванюшка и повадился ко мне. В хозяйстве, мол, подсоблю. Хоть и невелико оно хозяйство-то, а дров к зиме надо припасти? Картошку надо выкопать? Хату подремонтировать?.. Все надо... Опоздает, дьяволенок, в школу.

— Не опоздает!

Грузовик резко свернул в сторону, и, выплескивая из луж грязную воду, помчался к Слободе.

Ваню автомобиль нагнал за леском, и до школы в кабине ехали втроем.

МАРИЙКА

Ну и лицо! Из глаз, кажется, искры летят. Всегда чем-то

восторгается, чему-то удивляется.

— Ой, мамочки! — всплескивала Марийка руками, если, забежав к соседскому Володьке, заставляла его еще в постели. — Ты с ума сошел, Володя! Мы из-за тебя в школу опоздаем!..

— Я вас не держу! — огрызнулся Володька, цепляясь за одеяло, которое стаскивала с него Марийка.

Она хохотала:

— Ой, смотрите! Он не может глаза протереть. Умойся — легче станет!..

Володька нехотя плескал из ведерка на заспанное лицо пригоршню воды:

— Навязались на мою шею!

На улице сон пропадал. Володька сильно горбился, запуская руки в рукава куртки и так плелся за ребятами все три километра, что отделяют деревню Буглацкие Лычицы от школы. А Марийке все ни почем: и осенняя темень, и холод, и липкая грязь.

Летом Марийка, дочка известного всем в районе механизатора Ивана Аскерко, любит встречать предрассветные зори в полях. А когда наступает час зацветать льну, она с матерью пропадает в поле аж до вечерних туманов.

Девчонка видит, как на шелковую зелень точно бы с неба падает несколько первых голубых капель. День ото дня их становится больше, больше. И вот уже само чистое небо ложится на землю: цветет лен!

Лен был красив в ту пору, когда потербленный, обмолоченный лежал на лугах у реки под августовскими росами. Много хлопот было у Марийки со льном. Однако не зря Марийка с матерью получили премию от колхоза.

Много у нее работы. Она ведь еще и председатель совета отряда. А тут — Володька... Отца у Володьки нет. В доме он вроде бы за хозяина. Марийка видела, как он работал на лошадях в колхозе. Ничего не скажешь! В поле — моло-

дец! А учится скверно. Так вот Марийка в школу не пойдет, чтобы не забежать за ним. Да и после занятий сто раз заглянет в Володькину хату:

— Ой, мамочки! Он еще расквашивается! А уроки, Володя?

— Говорил я тебе, — бурчит Володька. — Мне трудно обучаться. Голова у меня дырявая. Поняла?

Марийка заливается смехом:

— Какой ты чудак, Володька! Хочешь, давай вместе учить!..

— Володя, у нас сегодня сбор пионерский, — напомнила как-то Марийка.

— Басни слушать? Спасибочки!

В тот раз действительно намечалось не очень-то веселое заседание. Но Марийка сказала Володьке:

— На сбор Александр Евгеньевич придет, агроном. Он на Кубу ездил.

— Врешь, не придет!

Марийка поняла: заинтересовался, явится... И побежала в соседнюю деревню к Александру Евгеньевичу, просить его встретиться с пионерами своего отряда.

Вечером агроном сидел в классе...

— Дядя Саша! — донимал Володька гостя вопросами. — А мне можно на Кубу? Я ведь все равно куда-нибудь уеду. Я на одном месте не могу...

Неизвестно, Володька ли уговорил мать, сама ли она так решила. Только продали они свой дом и уехали в целинный край. К тому времени Володька как раз успешно перешел в восьмой.

В Буглацкие Лычицы из целинного поселка Батмановки зачастили конверты с письмами на имя Аскерко Марии Ивановны. Начинаются письма обычно так: «Дорогая Марийка...» А дальше... Впрочем, не будем заглядывать в чужие письма.

В. МОРОЗОВ

Рисунки Л. Сперанской

КУМАЧОВЫЕ КОСЫНКИ

Галя Баранова, победительница Всесоюзного конкурса профессионального мастерства обувщиков.

В ленинградское техническое училище химиков пришел гость. Притихли девчата. Ведь то, о чем им рассказывает ветеран «Красного треугольника» Зинаида Павловна Булкина, для них уже история.

— Как только в начале тридцатых годов мы стали осваивать синтетический каучук, — вспоминала Зинаида Павловна, — так и началось: подошва не приклеивается, деталь при натяжении на колодке рвется, а бугорков, пузырей столько, что смотреть на свою работу не хочется. Мы уж и плакали, и химиков ругали... Долго и трудно осваивали новую технологию и в конце-концов — победили! Так организовали свою работу, что стали намного перекрывать норму. А в знак победы,

знаете, что сделали? Сшили себе косынки из красного кумача!

Послушали девушки и уже наперебой сами стали рассказывать:

— Мы заключили договор о содружестве с бригадой Героя Социалистического Труда Валентины Михайловны Ворониной.

— Некоторые из нас могут работать на любой из шестнадцати операций конвейера.

— Сами пытаемся уже конструировать новую резиновую обувь, легкую и изящную...

Так что когда девчата окончат ПТУ и придут работать в цех, они мастерством своих рук тоже завоюют себе добрую славу.

МОЙ КРАЙ—ЦЕЛИНА

В. МАНЗЯ

Василий МАНЗЯ живет в Казахстане, преподает в детской художественной школе. Он любит красоту бесконечных степей, мужество и скромность целинников и хорошо знает, что такое труд хлебороба. Об этом и рассказывает он в своих новеллах и линогравюрах.

ЖУРАВЛИ

Когда я еще учился в школе, наш край назывался журавлиным. Березняк да осинник островками стояли среди степных просторов.

Озера цепочкой протянулись через весь северный Казахстан.

И много разной дичи гнездились по берегам этих озер. Осенью к нашим озерам съезжались охотники и называли наши места журавлиным краем...

Потом приехали к нам первые целинники, и наш край назвали целиной.

Пришло много новой техники. Распахали никогда непаханные земли.

А что касается журавлей, то они остались.

РОССЫПИ

Стоят вдоль дороги осинки, завернутые в шали, связанные волшебницей-зимой из хрустальной пряжи. И снится им та весна, когда первый раз по бездорожью прошли мимо них тракторы с вагончиками, машины, веселые люди в теплых полушубках. Где-то далеко-далеко на снежной равнине они остановили машины и поставили палатки. Потом по пробитой в мартовском снегу колее пошла новая техника, повезли строительные материалы. Рядом с палатками начали расти стены домов. Сошел снег, запестрела степь весенними цветами. От будущих сел к горизонту протянулись первые борозды. Скоро просторы покрылись строчками изумрудной

зелени. Это были первые всходы целинного хлеба.

ОСТРОВОК

Навстречу мне мчатся жирные пласты. Вспаханное пространство такое, что кажется, во все стороны уходит оно до самого края земли.

И только на горизонте сиреневой полоской протянулся березовый лесок.

Среди черно-чистого простора тракторист оставил маленький островок. Этот клочок земли похож на березовый лист. И растет на нем березка и маленький кустик краснотала. Его листья уже опали, и на ветке видно пустое гнездо какой-то птички. Березовые листья ветер рассыпал по пахоте золотыми гривками...

ЛЕТО

Солнце так старается, что все краски, кажется, вылиняли. От этого дорога, луг, лес и небо стали почти одного цвета. Стоит такая жара, что жаворонки замолчали и, как вареные, попадали на траву.

Ребята целый день сидят в озере. А на лугах и лесных полянах с утра до вечера гудят тракторы, стрекочут сенокосилки, звучат голоса — в разгаре сенокос.

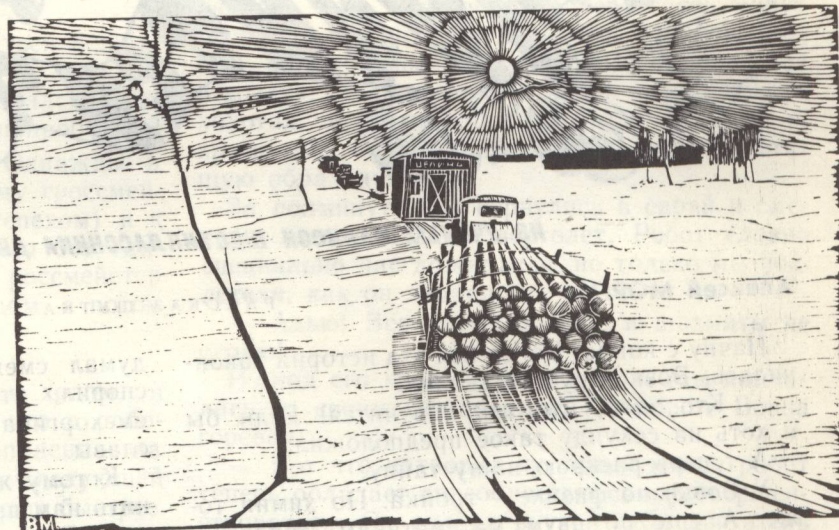
ЗИМНЯЯ ДОРОГА

ПШЕНИЧНЫЕ ХРЕБТЫ

Я положил колосок на ладонь и веса его почти не почувствовал.

А вот то, что увидел на току, вызвало такое чувство, что я мог произнести только: «Вот это да!»

На всей его площади лежали настоящие горные хребты золотой пшеницы. Слышно было только, как гудит работа, в которой тонули голоса людей. Эти горы зерна казались мне собранными воедино кусочками солнца и дождинками, которые выпали на землю за все лето и превращены волшебными руками хлеборобов в золотые зерна.

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЦЕЛИНА

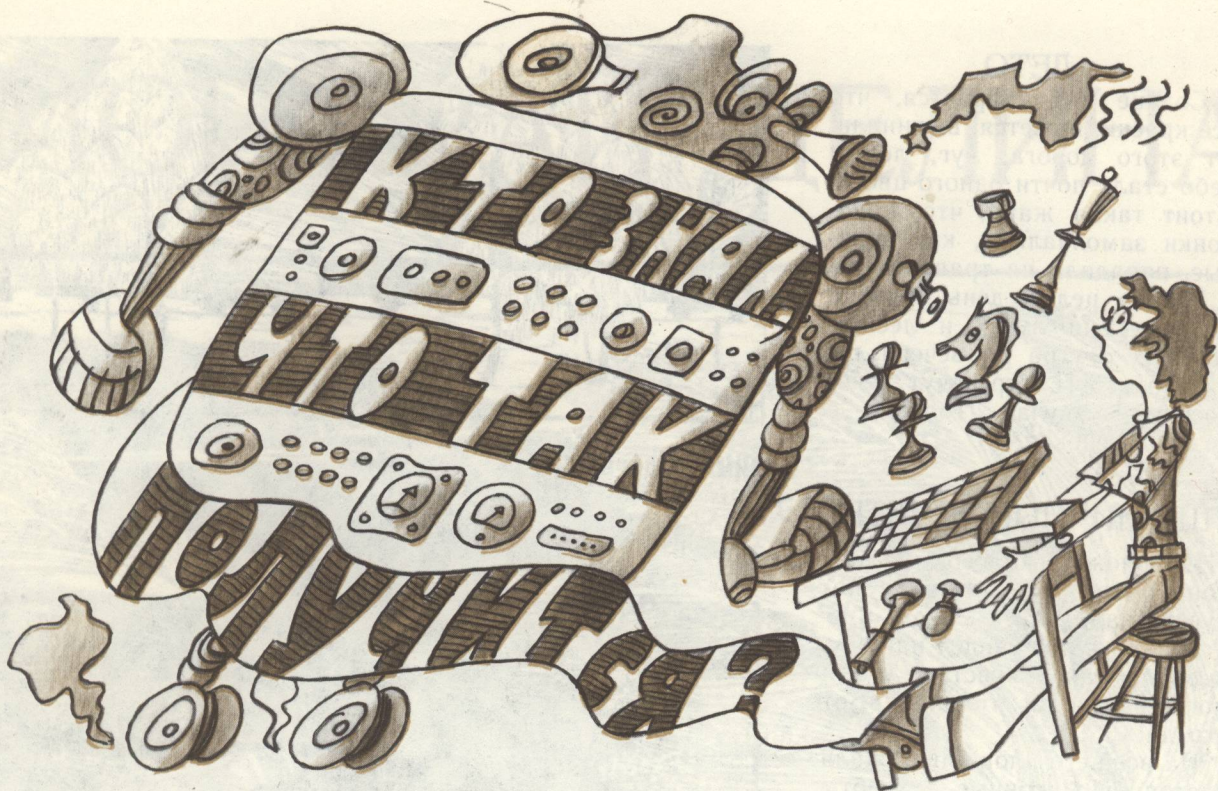
КАРАВАЙ

Вот поле. А я помню то время, когда из года в год на этих просторах волновался седой ковыль. От этой шелковой травы, как ее называют в народе, степь казалась стареющей. Теперь этому полю, кажется, нет меры в ширину и конца в длину. Я много раз любовался, как нагретая весенним солнцем земля начинает дышать. Теплый и влажный воздух вытягивает в причудливые формы ушедшие вдаль тракторы с сеялками, машины и колышит синюю даль.

Потом поле прорастает зелеными иголочками хлеба, волнуется зелеными волнами, цветет, наливается и тяжелеет колосом. Туго набитые колосья, загорая на солнце, становятся бронзовыми. От этого все поле смотрится караваем с румяной коркой, которым можно накормить всех людей.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГОНКА

ИЗ УЧЕНЫХ ЗАПИСОК ШЕСТИКЛАССНИКА ДИМКИ ФИЛИПОВА

Алексей МОРГУН

РАССКАЗ-ШУТКА

Рисунок Г. Ясинского

Начну с конца. Когда вся эта история закончилась, Вовка грустно сказал:

— Кто знал, что так получится! Если бы я хоть на секунду такое предположил...

А теперь раскрою нашу тайну.

У Вовки по физике — тройка. По химии тоже. А еще по двум математикам, зоологии, английскому. По английскому, — потому что плохо знает язык, заслужил. А по остальным предметам специально. Чтобы никто ни о чем не догадался. И от меня с Витькой Вовка тоже потребовал:

— О наших знаниях никто не должен знать. Поэтому условие: в отличники не рваться, внимания не привлекать. А то затаскают по разным конференциям, симпозиумам, собраниям...

Так что мы, все трое, — троечники.

Теперь о наших изобретениях. Начали мы с автомобиля.

Чтобы не затягивать, скажу сразу, что мы открыли новый вид энергии — смехоргин. Так мы назвали. По аналогии с бензином, керосином и т. д. Принцип прост: когда человек смеется, освобождается определенное количество энергии. Расходуется она без толку, а Вовка придумал, как ее собирать. Однажды он прибежал к нам с небольшим чемоданчиком, в котором причудливо переплетались провода.

— Смейтесь! — сказал он.

Мы хихикнули. Вовка бросился к чемоданчику и радостно завопил: «Есть!»

Так что, если быть точным, Вовка один при-

думал смехоргин. И хотя в дальнейшем он спорил, что изобретателей у аккумулятора смехоргина трое, я не припишу себе чужой славы.

К тому же, когда Вовка попробовал объяснить нам принцип работы своего чемоданчика, мы с Витькой так ничего и не поняли. Потому что к тому времени знали физику и высшую математику не больше современных докторов наук. А Вовка... он — гений.

Итак, работа над усовершенствованием аккумулятора продолжалась. И через несколько месяцев в нем было сконцентрировано огромное количество энергии. Для этого мы специально ходили в кино на самые смешные комедии, бегали на выступление знаменитого цирка.

Пришла пора, и мы построили автомобиль, работающий на смехоргине. Одного аккумулятора хватало на год безостановочной езды. Автолюбителям, наверное, интересно узнать, что наша машина без труда набирала скорость в триста и более километров в час. После автомобиля мы еще собрали вертолет и небольшую космическую ракету. Так, на всякий случай. Теперь вы понимаете, почему мы опасались внимания взрослых? Ведь вполне возможно, кто-нибудь сказал бы:

— Мальчики! Ваше дело не изобретать, а хорошо учиться, играть в футбол и коллекционировать марки. Науку оставьте нам.

Поэтому мы делали все возможное, чтобы о наших опытах никто не узнал. Но однажды чуть все не пропало. Из-за котла!

Вовка уже давно хотел собрать робота, чтобы играть с ним в шахматы. С людьми ему играть не интересно. Всем ставит мат ходов за пятнадцать. Вот он и решил обзавестись достойным противником.

Долго мы мудрили со схемой, ломали головы и наконец изобрели. Собрали, все вроде в порядке, а зеленая лампочка не горит. В чем дело? Первым догадался Вовка:

— Ребята, робот получился слишком легким. До расчетного веса не хватает трех килограммов, поэтому нет контакта. Нужно что-то придумать.

Посмотрели по сторонам и увидели старый чугунный котел. Вовка обрадовался, схватил котел и установил его роботу вместо головы. Тут же загорелся зеленый огонек, послышалось гудение. Через минуту робот нагрелся, потом хрипло и противно произнес:

— А хочет ли кто-нибудь сразиться в шахматышки?

— Пожалуйста, — вежливо отозвался Вовка и спросил меня: — Может, попробуешь?

Я тоже в шахматах не слабак. Однажды в поезде ради смеха подсел к одному гроссмейстеру (он и сейчас выступает с успехом) и к двадцать первому ходу оставил его без единой фигуры. С голым королем. Гроссмейстер долго гипнотизировал меня взглядом, а потом тихо предложил:

— Ничья?

Хотя мат ставился следующим ходом, я согласился. Так что я надеялся, что с роботом как-нибудь справлюсь. Напрасно — на двадцатом ходу пришлось сдать. Следующей жертвой пал Витька, он проиграл еще быстрее. Робот (а еще говорят, что машины лишены эмоций) радовался, гнусаво напевая себе под нос песенку, и посмеивался над нами:

— Игрочишки! Вам только с роботятами сражаться.

И к Вовке он отнесся не серьезно.

— Вам мы поставим матик в три хода, — пообещал он создателю.

Вовка скромно улыбнулся — он у нас вообще удивительно скромный. К двадцатому ходу его фигуры зажали короля противника так, что тому и дыхнуть было нельзя. На тридцатом ходу робот сдался. Так же закончились еще две партии. Робот потерял всю самоуверенность и быстро раздражался. Зато Вовка был счастлив. Не победе, а тому, что нашел достойного противника.

Наконец робот пропыхтел:

— Больше играть не хочу.

Вовка спокойно сложил фигуры и, поблагодарив партнера, предложил:

— Сыграем завтра?

— Еще чего! — раздраженно буркнул робот. — Я вообще с тобой больше за доску не сяду. Со всеми сяду, а с тобой нет.

— Как так? — удивился Вовка.

— А вот так, — отозвался робот и сложил из своих шарниров огромную фигу.

Вовка усмехнулся. У него не нервы, а толстенные канаты. Потом он шагнул к автомату, чтобы его отключить. И тут... Позже мы выяснили, что чугунный котел-голова оказался на триста граммов тяжелее нормы, и это перечеркнуло все расчеты. Робот приобрел непредусмотренные нами способности. В нем что-то звякнуло, потом на ногах появились большие колеса, и он медленно поехал к двери.

— Видеть вас не желаю, — заявил он на пороге. — Глаза б мои на вас не глядели. — Он закашлялся, выдавил из себя: — Лопухи! — и загремел по лестнице.

Первым опомнился Вовка.

— На перехват! — кричал он. — За мной!

Мы побежали по лестнице, но робот выехал на шоссе и развил вполне приличную скорость — километров сто. Мы вытащили из сарайчика наш автомобиль и через пять минут настигли беглеца. Тогда робот, обернувшись, еще раз обозвал нас лопухами, и... взлетел в воздух. Он парил как птица и издевательски хохотал. К счастью, дело было вечером и, кроме нас, никто больше не увидел эту летящую образину.

За полминуты мы вернулись в сарай и сменили автомобиль на вертолет. Робот словно специально нас дождался, но только мы подлетели, как он заорал:

— Адьо! Все равно больше в шахматы не играю!

Из-под его колес забило пламя. Мы помчались за своим звездолетом. По дороге Вовка горевал:

— Вот что натворил чугунный котел: робот теперь обладает способностью самоусовершенствоваться. Он создал внутри себя двигатель на атомной энергии.

Через десять минут мы вышли в открытый космос. С помощью радара отыскивали беглеца. Казалось, ему не ускользнуть. Но, когда до робота было рукой подать, он круто повернул к земле не снижая скорости.

— Сгорит! — глухо сказал Вовка. — Ведь сгорит в атмосфере. Жалко...

Так и получилось. Через три минуты впереди нас появилось свечение. Потеряв управление, горящий робот стремительно падал на землю...

* * *

Так закончилось наше приключение. К счастью, никто ничего не заметил. Только в одной газете мелькнуло сообщение об упавшем метеорите. К месту его падения даже выезжала группа ученых. Но они ничего не нашли, кроме «странного круглого предмета из чугуна». По форме, как писала газета, он напоминал лицевую часть скафандра. Ученые забрали его для исследований, а потом передали в музей. Тогда мы вздохнули с облегчением: о нас ничего не писалось, можно было продолжать дальнейшие опыты.

А посмотреть на котел мы иногда ходим в наш городской музей.

СООБЩЕНИЕ ПРЕСС-ЦЕНТРА СПОРТКЛУБА «КУЗНЕЧИК»

Решением Управления легкой атлетики Спорткомитета СССР и редколлегии журнала «Костер» президентом детского спортивного клуба «Кузнечик» назначен заслуженный мастер спорта, чемпион Олимпийских игр по прыжкам в высоту Юрий ТАРМАК.

СПОРТКЛУБ

КАКАЯ ОНА, ВЫСОТА?

ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ ПРЕЗИДЕНТА СПОРТКЛУБА «КУЗНЕЧИК»

— Скажите, о чем Вы подумали, когда узнали об открытии спортклуба и что лично Вы стали его президентом?

— О чем подумал? Знаете, подумал вот о чем. У юных хоккеистов есть свой спортивный клуб — «Золотая шайба», у юных футболистов — «Кожаный мяч» и у многих ребят есть свои спортивные клубы. А вот у юных прыгунов не было. Не было, но теперь есть. Письма с заявлениями о приеме в «Кузнечик» идут со всех концов страны. И с каждым днем их все больше и больше.

А еще я подумал, и не только подумал, но и сказал, что обещаю быть хорошим президентом. И сказал искренне.

— Как известно, для прыжков в высоту требуется дорожка для разбега, две стойки, планка и «яма» для приземления. Словом, не так уж и много. И следовательно, каждый имеет возможность проверить свои способности...

— Но Вы забыли еще о таких вещах, как упорство в достижении поставленной цели, трудолюбие и, конечно, талант. Поверьте, именно с них все и начинается. Ведь прыжки в высоту — сложный вид спорта. Здесь требуется в течение пяти-семи секунд — столько времени длится прыжок — показать все, на что ты способен...

— От первых результатов, показанных юными прыгунами,

до мирового рекорда Владимира Яценко, как говорится, очень и очень далеко. И многим, наверное, даже трудно представить наглядно, что такое высота 235 сантиметров.

— Представить действительно трудно. Ведь даже встав на цыпочки, далеко не каждый сможет до нее дотянуться рукой. Помнится, когда Володя совершил свой спортивный подвиг, а это было в Италии, в Милане, многие итальянские газеты опубликовали снимок слона, высота которого равнялась новому мировому рекорду. Так сказать для наглядности. Но мне бы хотелось сейчас сказать о другом. Сейчас надо думать не о рекордах. Гораздо важнее научиться у Яценко вдумчивому отношению к тренировкам и, главное, хорошо заниматься в школе. В школе Володя учился без троек, хотя тренировки отнимали у него массу времени.

— О чем бы Вы хотели еще сказать будущим питомцам спортклуба?

— Во-первых, должен их познакомить со своими помощниками. Вице-президентом «Кузнечика» стал Анатолий Петрович Стрижак — старший тренер по прыжкам в высоту Управления легкой атлетики Спорткомитета СССР. А членами совета клуба — Татьяна Николаевна Федорова — заместитель главного редактора журнала «Костер», Валентина Ивановна Никифорова — тренер Кировской СДСЮШ, Юрий Михайлович Ковешников — член президиума федерации легкой атлетики Ленинграда, Владимир Яценко — заслуженный мастер спорта, Владимир Михайлович Дьячков — заслуженный тренер СССР, доктор педагогических наук и Юрий Алексеевич Зорин — заведующий отделом спортивной и оборонно-массовой работы Ленинградского горкома ВЛКСМ.

А во-вторых, мы очень хотим, чтобы «Кузнечик» был прыгучим, задиристым и никогда не унывал, встречаясь с трудностями и неудачами. Вот, пожалуй, и все.

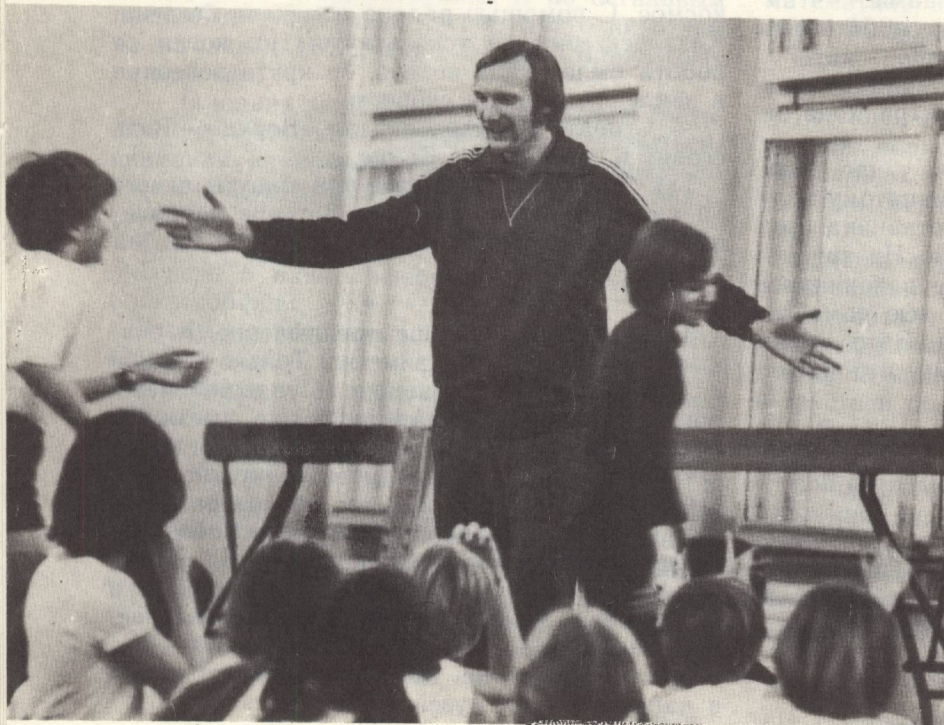

Фото И. Колтуна

МАЛЕНЬКИЙ КЕНГУРЕНОК КУУ-ПУУ

Кет УОКЕР

СКАЗКА

Рисунок А. Януса

Кет УОКЕР — выдающаяся австралийская поэтесса. После многих лет участия в борьбе за права аборигенов она вернулась в те места, на ту землю, которая когда-то принадлежала ее

племени нуунакл. Здесь на острове Страдброк у побережья северной Австралии Кет живет в маленьком домике, учит детей и пишет для них рассказы и сказки.

Куу-Пуу был маленьким кенгуренком. Однажды мама повела его на поляну, чтобы он мог там полакомиться сочной зеленой травой. Лес был не очень большим и густым, больших и густых лесов в Австралии мало, и в него даже забредали домашние животные, но для маленького кенгуренка это был огромный и незнакомый мир.

— Гуляй только здесь и никуда не смей уходить! — предупредила его мама.

«Но ведь я уже совсем взрослый!» — подумал Куу-Пуу, и, как только мама ускакала на другой конец поляны, отправился бродить по лесу.

Это была его первая прогулка. Трава и деревья вокруг него стояли такие большие, тени под ними были такими темными, что ему стало страшно.

Он вспомнил, как мать предупреждала его насчет больших и свирепых собак динго, и испугался еще больше.

Где мама? Где поляна? Куда идти?

Он сел на землю и стал слушать. Нос его подергивался, а уши стояли торчком. И вдруг он услышал какой-то шум. «Трам, трам!» — стучал кто-то о землю, — «трам, трам!»

Сердце кенгуренка забилося часто-часто. Кусты над его головой раздвинулись, и из них показалась голова тельца.

— Му-уу! — сказал теленок.

Бедный кенгуреночек первый раз видел такого большого и страшного зверя. Он подпрыгнул и бросился наутек. Он мчался не разбирая дороги так быстро, что чуть не налетел на толстое эвкалиптовое дерево. Притаился под ним и стал прислушиваться.

Он сидел так тихо, что трясогузка, которая вертелась тут же, вспрыгнула ему на спину. Кенгуреночек вскочил, и трясогузка полетела вверх тормашками. Это ее сильно разозлило.

— Беззаботный-бездельник-Куу-Пуу! — затараторила она. — Беззаботный-бездельник! Кенгуреночек заплакал.

— Не-хнычь-не-хнычь, — снова затараторила трясогузка, — куда-ты-идешь-куда-ты-идешь?

— Не знаю, — ответил сквозь слезы Куу-Пуу. — Что ты все время повторяешь одно и то же?

— Иначе-не-могу-иначе-не могу, — тараторила птичка, — все-трясогузки-повторяют-одно-и-то-же-одно-и-то-же...

— Какие вы все глупые! — сказал Куу-Пуу.
— Ах-так-ах-так! — обиделась трясогузка и, повторяя это на лету, упорхнула.

Куу-Пуу вовсе не понравилась трясогузка, но оставаться снова одному в этом большом полном опасностей лесу!.. Он бросился было за ней, но едва очутился по ту сторону дерева, как услышал еще один голос:

— Ии-ик! Ии-ик! Ии-ик! Рик, рик!

Кенгуренок долго не мог понять, откуда идет голос.

— Уак, уак! Вак!

Он наклонил голову и увидел в траве большую зеленую лягушку.

— Вак! Вак! — сердито повторила она.

Куу-Пуу уже понял, что в лесу надо быть вежливым и поэтому ласково спросил:

— В чем дело? Что ты так рассердилась? Не правда ли, какой хороший день?

— Уак! — согласилась лягушка. — День-то хороший, но ты придавил своим хвостом моего младшего сына. Уак!

Куу-Пуу поднял хвост, и из-под него тотчас выскочил маленький лягушонок, такой же зеленый и сердитый, как его мать.

— Ну и тяжелый у тебя хвост! — пропищал он и посакал вслед за мамой.

Куу-Пуу снова остался один.

«Хватит с меня приключений! — подумал он. — Нужно найти кого-нибудь, кто поможет мне вернуться к маме!»

По счастью, он скоро увидел на вершине небольшого эвкалипта птицу, которая с любопытством озиралась по сторонам.

— Скажите, пожалуйста, — обратился он к ней, — вы не видели моей мамы?

— Мамы? Да он потерялся! Ха-ха-ха! — рассмеялась птица. — Ты сожалеешь, что удрал от нее? Ха-ха-ха!

— Да, я потерялся, — печально сказал Куу-Пуу.

— Он сожалеет! — продолжала хохотать птица. — Надеюсь, это послужит тебе — ха-ха-ха! — хорошим уроком!

— О да, хорошим! — согласился Куу-Пуу. Он уже понял, что встретил кукабару — птицу, о которой часто рассказывала ему мать, птицу, которая сидит на ветке и хохочет над всем, что творится в лесу.

— Иди за мной! — сказала птица. — Ха-ха-ха, может быть, мы и отыщем твою маму.

Она полетела вперед, то и дело поднимаясь над вершинами эвкалиптов, и скоро увидела большую поляну, а на ней беспокойно кружащую маму-кенгуру.

— Ха-ха-ха, а вот и мы! — прокричала кукабара, подлетая к ней.

Следом из кустов выскочил Куу-Пуу.

Куу-Пуу и его мать бросились навстречу друг другу. Куу-Пуу вскочил с разбега прямо в мягкую мамину сумку и только там, в тепле и безопасности, почувствовал, как устал и продрог.

Перевел А. МЕЛЬНИКОВ

МЫ
СМОТРИМ
В
МИР

Говорят, что австралийские аборигены могут выжить там, где не выживет никто... В пустыне они найдут воду, в мертвом, высохшем от зноя лесу — пищу.

Но даже эти качества не помогли им выжить в борьбе с английскими колонизаторами. Предполагают, что к концу XVIII века, когда первые английские колонисты высадились у берегов Австралии, аборигенов было около трехсот тысяч. К середине XX века их осталось около сорока тысяч...

Истребляли их самым же-

стоким и варварским способом. Ведь первыми колонизаторами Австралии были английские каторжники, которые не щадили даже друг друга. А аборигены в их глазах не были людьми.

Бедствия, лишения, бесконечные унижения, безысходная нищета и полное бесправие стали уделом аборигенов. Сначала их оттеснили в районы материка, непригодные для жизни, — в болота и пустыни, — где без пищи или воды они были обречены на медленную смерть. Тех, кто выжил и в этих условиях, загнали в

резервации, как и американских индейцев. Немногие ушли в Большую Песчаную пустыню, где ведут кочевой образ жизни, стараясь больше не встречаться с цивилизацией.

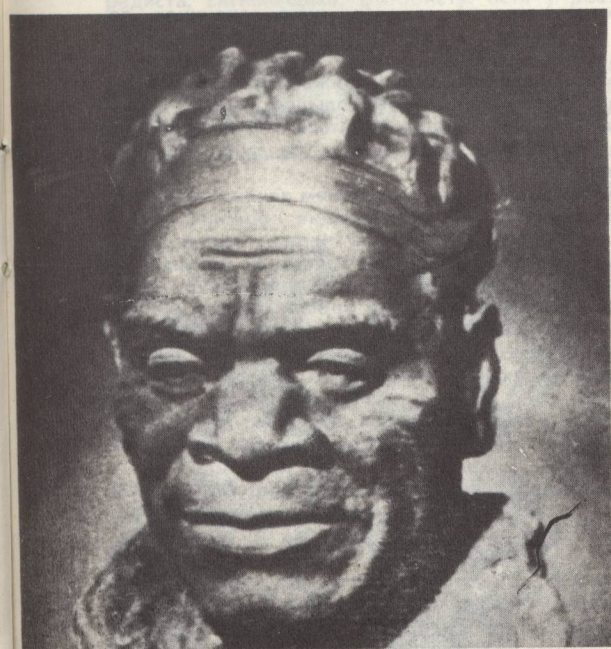
И все-таки австралийские аборигены сохранили и мудрый опыт предков, и радушие, и миролюбие, и природную сметку, и юмор, и свою очень поэтичную мифологию.

Многие прогрессивные деятели Австралии и ее рабочий класс борются за права аборигенов. Среди них — скульптор Вильям Рикетс. Всю свою

жизнь и творчество он посвятил им. Он жил среди аборигенов, полюбил их легенды и мифы. Он сочувствует их горестям и радуется маленьким успехам, он знает их надежды...

Его скульптуры из дерева известны теперь многим. А в городе Мельбурне создан музей деревянной скульптуры Вильяма Рикетса.

Специальный корреспондент «Костра» Борис Гессель побывал в этом музее. Он фотографировал и знаменитого скульптора и его произведения.

Получил и ради: кому же принадлежат? Так же как и искусство.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление Р. Попова

Год издания — 23-й

БЕГЛЕЦЫ

...Рано утром маячник с маяка горы Секирной доложил мне по телефону, что на траверзе мыса Овсянникова замечены три человека на шлюпке... «Не ваши ли юнги, товарищ комиссар?»

По тревоге снарядили катер. Пять минут — и наша машина мчалась к мысу Овсянникова...

И вот беглецы стоят передо мной и не поднимают глаз. «Куда собрались?» — спрашиваю юнг. — «Решили мотануть на фронт, товарищ комиссар... Хотели сначала до Кемь доплыть... Там — поездом на север... До фронта добрались бы пешком...»

Я задумался. Ругать их? Накладывать взыскание? С одной стороны — да, ведь это грубое нарушение дисциплины. А с другой стороны — не в тыл ведь ребята бежали, а на фронт... Воевать спешили. Бить фашистов. Да и ребята не из слабых. Успели и войны хлебнуть. Один из них, Леша Юденков, уже партизанил на Смоленщине, был ранен и к нам учиться попал после госпиталя...

Шел 1943 год. Я был комиссаром Соловецкой школы юнг ВМФ и отвечал за полторы тысячи мальчишек в матросской форме. За то, чтобы вырастить и воспитать

настоящих и знающих моряков, пополнение нашему флоту.

Стояли трое юнг, мне в глаза не смотрели.

— Ладно, — сказал я им, — не заметили бы вас с маяка и вышли бы вы в открытое море. А дальше-то как? Вот вам карта. Показывайте...

Склонились мои юнги над картой.

— Так бы и поплыли, — показывает один, — сначала сюда, а потом так... Здесь и Кемь близко...

— Эх вы, — говорю юнгам, — сюда-туда... Учились вы, да недоучились. А если бы курс закончили, то знали бы, что сейчас в этой части Белого моря — сплошной лед, а здесь — сильное течение. Оно бы вас посреди Белого моря к ледяному полю прижало и замерзли бы вы в своих шинелишках самое большее через сутки... И вся ваша помощь фронту. Учиться сначала надо, а потом — воевать. Наказывать вас я не буду. Кругом! Шагом марш...

Эти трое беглецов потом с отличием закончили школу юнг, и направили их на действующие корабли... Леша Юденков, к примеру, воевал на Черном море. Саша Адволоткин — на Балтике. Когда тральщик, на котором служил Саша, подорвался на mine и уцелевшие члены экипажа оказались в воде, Саша бросил свой спасательный жилет гибнущему товарищу. А сам погиб...

Фамилию третьего юнги я, к сожалению, не помню. После войны начал я разыскивать всех своих юнг. Многих нашел.

Может быть, и из тех беглецов, из двоих, кто остался жив, кто-нибудь откликнется? Хотелось бы знать, как они живут сейчас...

Рассказ комиссара Соловецкой школы юнг ВМФ СССР
Сергея Сергеевича ШАХОВА
записала Н. ЗАКАТОВА

Карту Соловецкого острова Сергей Сергеевич подарил «Морской газете» и на полях написал: «На этом острове в годы Великой Отечественной войны была школа юнг ВМФ, где довелось мне быть комиссаром. С. Шахов».

*На этом острове в
годы Великой Отечественной
войны была школа юнг ВМФ, где
довелось мне быть комиссаром
С. Шахов*
30.09.78,

Кто кем позавтракал...

Крошечный веслоногий рачок науплиус сегодня позавтракал так: сжевал зеленую ниточку-водоросль... Очень вкусно! Не успел рачок оглянуться — сам попал на завтрак к хищной селедке... Селедка после еды разнежилась, размечталась — хлоп! — налетела на нее треска и — нет селедки. После сытного завтрака и треска ленивее хвостом зашевелила... А из глубины на нее — акула! Проглотила акула жирную треску и не поморщилась...

А вот акулой уже никто не позавтракает. Нет у нее врагов в море.

ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ

Если вы на улицах города Благовещенска встретите мальчишку или девчонку пионерского возраста, но в морской форме, знайте, что это ребята из клуба юных моряков городского Дворца пионеров.

Многим морским профессиям обучают в клубе — радиста, сигнальщика, моториста. Есть у ребят и свой большой корабль — «Юнга», на котором они проходят летнюю практику и ходят в дальние походы.

Недавно горком комсомола принял решение: клубу юных моряков Благовещенского Дворца пионеров и школьников присвоить имя юнги Северного флота Саши Ковалева.

Поздравляем Вас, Валя!

Многие девочки пишут в «Морскую газету»: «Мы очень любим море и хотим стать только капитанами дальнего плавания, чтобы потом побывать в разных странах...»

А вот Валя Тихонова капитаном стать и не хотела, хотя море очень любит. И корабли — тоже. Валя — повар, по-морскому — кок, и гордится своей профессией. А если вы захотите узнать у нее, в каких странах ей довелось побывать, Валя ответит: «Во многих! Даже все и не перечислить!»

Но главное — Валя вкусно кормит всю команду, а команда очень уважает Валю...

«Морская газета» поздравляет Вас, Валя, и всех женщин, плавающих на морях-океанах, с праздником — Международным женским днем 8 Марта!

Фото Б. Гесселя

МОРСКОЙ БОЙ

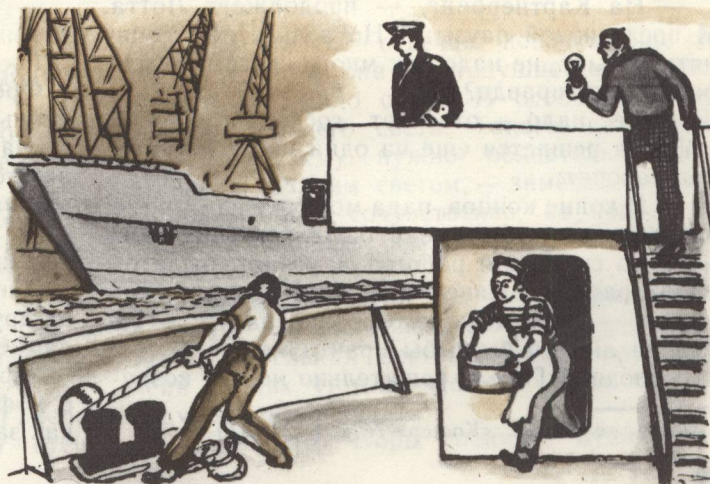
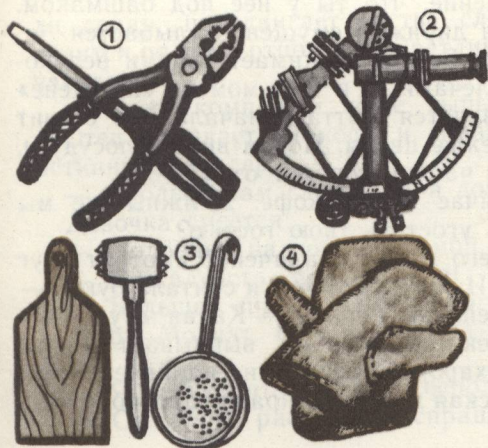
Линкор подбит при первой же атаке.
Затем пошли два катера ко дну.
Не повезло и крейсеру — бедняге,
Радист в эфир передает: „Тону!“

Его собрат подбит и тоже тонет,
Три миноносца фанелом горят...
И адмирал сквозь зубы тихо стонет,
Команды отдавая невпопад.

И жалкие флотилии остатки
Ведут огонь, хотя обречены.
Но вдруг — звонок...
И спрятаны тетрадки,
И с ними все последствия „войны“.

А. СТАРИКОВ

Загадочная картинка

Подумай и реши: кому что принадлежит? Чьи это вещи и инструменты?

БЛИЗНЕЦЫ

ПОВЕСТЬ

Эрих КЕСТНЕР
Рисунки А. Ивашенцевой

Глава восьмая

Уроки музыки у Лотты прервались. Ее вины в этом нет. Просто у отца теперь нет времени, чтобы давать уроки. Наверное, это связано с оперой для детей? Вполне возможно. Или?.. О, девочка чувствует, если что-то не так. Если отец говорит о детской опере и умалчивает о фрейлейн Герлях, она, как зверек, чует, откуда грозит опасность.

Лотта выходит из квартиры на Ротенштурмштрассе и звонит в дверь напротив. Там проживает художник по имени Габеле, славный приветливый господин, который с удовольствием рисует Лотту, когда у нее есть время.

Господин Габеле открывает:

— О, Луиза!

— Сегодня у меня есть время, — говорит она.

— Минуточку! — восклицает он и усаживает девочку в кресло, берет в руки блокнот и начинает набрасывать портрет.

— Ты реже стала играть на пианино, — замечает он.

— Вам это очень мешает?

— И не думай! Наоборот! Мне просто не достает твоей музыки!

— У папы нет больше свободного времени, — серьезно говорит она. — Он пишет оперу. Это будет детская опера.

Господину Габеле приятно это слышать. Потом он хмурится.

— Эти окна! — бранится он. — Совсем ничего не видно!

— А почему же вы не снимете студию, господин Габеле?

— Потому что негде снять! Ателье найти нелегко!

После небольшой паузы девочка говорит:

— У папы есть ателье. С большими окнами. И сверху падает свет.

Господин Габеле что-то бурчит.

— На Картнерринг, — продолжает Лотта. И после новой паузы: — Но ведь чтобы сочинять музыку, не надо так много света, как для рисования, правда?

— Не надо, — отвечает господин Габеле.

Лотта решается еще на один шаг. Подумав, она говорит:

— В конце концов, папа мог бы с вами помянуться! Тогда бы у вас были большие окна и много света для работы! А у папы была бы квартира для сочинения музыки здесь, совсем рядом! — Эта мысль ее особенно радует. — Не правда ли, это было бы практичнее?

Господину Габеле решительно нечего возра-

зить против предложения Лотты. Но, так как он не хочет касаться этого вопроса, он отвечает со смехом:

— Это было бы очень практично. Вопрос только в том, придерживается ли такого же мнения папа.

Лотта кивнула:

— Я его спрошу! И очень скоро!

Господин Пальфи в своей студии, и у него гостя. Фрейлейн Ирена Герлях «случайно» совсем рядом делала покупки и вдруг подумала: «А не забежать ли мне на секундочку наверх к Людвигу?»

Людвиг отложил в сторону листы партитуры, на которых он что-то царапал, и болтает с Иреной. Сначала он был немножко сердит, потому что до смерти не любил, когда его посещали без предупреждения и мешали работать, но потом его настроение улучшилось.

Ирена Герлях знает, чего она хочет. Она хочет выйти замуж за господина Пальфи. Он знаменит. Он нравится ей. В нужный момент она ему это осторожно подскажет. В конце концов все будет выглядеть так, как будто ему самому пришла в голову мысль жениться.

Но одно затруднение все-таки есть: этот дурацкий ребенок. Ирена Герлях еще разделяется с этой слишком серьезной, необузданной девчонкой!

Звонят.

Людвиг открывает.

И кто стоит за дверью? Серьезная, необузданная девчонка! С букетом в руках. Она делает книксен и говорит:

— Добрый день, папа! Я принесла тебе свежих цветов!

Она спокойно проходит в студию — сдержанный книксен гостю, — берет вазу и исчезает на кухне.

Ирена смеется:

— Когда видишь тебя и твою дочь, создается впечатление, что ты у нее под башмаком.

Господин дирижер смущенно улыбается.

Фрейлейн Герлях пожимает своими великолепными плечами, и в этот момент «на сцене» снова появляется Лотта. Сначала она ставит на стол свежие цветы. Потом приносит посуду и, расставляя чашки, говорит отцу:

— Я сейчас сварю кофе. Должны же мы чем-нибудь угостить твою гостью?

Папа и его гостя озадаченно смотрят друг на друга. «И эту-то девочку я считала букой! — думает фрейлейн Герлях. — Какая глупость!»

Через некоторое время выплывает Лотта с кофе, сахаром и сливками, наливает кофе, как заправская хозяйка, спрашивает, положить

Продолжение. См. «Костер» №№ 1, 2, 1979 г.

ли сахар, поддвигает гостье сливки, затем садится рядом с отцом и, приветливо улыбаясь, заявляет:

— Я за компанию тоже выпью глоточек.

Отец наливает ей кофе и спрашивает, как истинный кавалер:

— Сколько вам сливок, моя дорогая?

Девочка смеется:

— Половина на половину, мой дорогой!

— Пожалуйста, моя дорогая!

— Большое спасибо, мой дорогой!

Пьют. Молчат. Наконец Лотта начинает беседу:

— Я только что была у господина Габеле.

— Он тебя рисовал? — спрашивает отец.

— Немножко, — отвечает девочка; еще глоток кофе, потом она простодушно добавляет: — У него так мало света. И особенно ему не хватает верхнего света. Такого, как здесь...

— Тогда ему нужно обязательно снять ателье с верхним светом, — заметил господин дирижер очень сочувственно, не подозревая, что поворачивает именно туда, куда хочет Лотта.

— Я ему так и сказала, — спокойно пояснила она. — Но они уже все заняты, ателье.

«О, маленькая бестия», — подумала фрейлейн Герлях. Потому что она уже поняла, что задумала девочка.

— Для того чтобы сочинять музыку, соб-

ственно, не нужно верхнего света, ведь верно, папа?

— Нет, собственно, нет.

Девочка глубоко вздохнула, потом уставилась на свой передник и спросила так, как будто бы этот вопрос только что пришел ей в голову:

— А если бы ты поменялся с господином Габеле, папа?

Слава богу, ну вот и сказано! Лотта искоса глядит на отца. Ее взгляд умоляет.

Отец смотрит чуть сердито, чуть насмешливо то на маленькую девочку, то на элегантную даму, на лице которой в этот момент застыла ироническая улыбка.

— Тогда у господина Габеле было бы ателье, — говорит девочка, и голос ее немножко дрожит. — И столько света, сколько ему нужно. И ты жил бы прямо против нас. Рядом со мной и Рези... Ты будешь один, так же как и здесь. Но если тебе не захочется быть одному, ты просто перейдешь через площадку — и ты у нас. Тебе не надо даже надевать шляпы... И мы сможем вместе дома обедать... Как только еда будет готова, мы три раза позвоним в твою дверь... И мы приготовим все, что ты захочешь... Даже копчености... А если ты станешь играть на рояле, мы будем слышать тебя через стену... — Голос девочки звучит все неуверенней и неуверенней. Она смолкает.

Фрейлейн Герлях внезапно встает. Ей надо спешить домой. Как быстро проходит время! Да, это была так-а-а-я интересная беседа!

Господин дирижер провожает свою гостью. Он целует ее пахнущую духами руку.

— Итак, до вечера, — говорит он.

— А вдруг у тебя не будет времени?

— Почему, дорогая?

Она улыбается.

— А вдруг ты решишь сегодня же переезжать?

Он смеется.

— Не слишком ли рано смеешься? Насколько я знаю твою дочь, она уже готова вызвать упаковщиков мебели!

Яростно стуча каблуками, дама спускается по лестнице.

Когда дирижер возвращается в студию, Лотта уже собирает со стола кофейный сервиз. Он ходит из угла в угол. Он пристально смотрит на исчерканные листы партитуры.

Лотта прилагает все усилия, чтобы не стукнуть блюдечками или чашками. Когда все было вымыто, вытерто и поставлено в шкаф, она надевает шляпку и входит в студию.

— Ты придешь к ужину, папа?

— Нет, сегодня нет.

Девочка медленно кивает и нерешительно протягивает ему на прощанье руку.

— Послушай, Луиза, мне не очень нравится, когда другие вмешиваются в мои дела, даже моя дочь! Я сам знаю, что для меня нужно!

— Естественно, папа, — говорит она спокойно и тихо.

Он пожимает наконец ее руку и видит, что у

девочки на ресницах слезинки. Отцу полагается быть строгим. Он делает вид, как будто ничего не замечает, кивает ей на прощанье и садится за рояль.

Лотта быстро идет к двери, осторожно отворяет ее и исчезает.

Господин дирижер проводит рукой по волосам. Ну вот, еще и детские слезы! И это тогда, когда надо писать оперу для детей! Это же черт знает что! Просто невозможно видеть, когда у такого крохотного создания стоят в глазах слезы! Они висят на длинных ресницах, как росинки на тоненьких стебельках...

Его руки трогают клавиши. Прислушиваясь, он наклоняет голову. Он проигрывает мелодию еще раз. Он повторяет ее в чуть ином ключе. Это минорный вариант веселой детской песенки из его детской оперы. Он изменяет ритм. Он работает.

До чего хороши детские слезы! Художник приходит в неистовство! Он хватается нотную бумагу и пишет. Наконец, в каком-то особенном восторге, он откидывается назад, потирает руки — так ему нравится удавшаяся в до-миноре грустная песенка. (И нет поблизости никакого великана или кого-нибудь еще, чтобы спустить с него штаны и как следует выпороть!)

Через несколько дней Людвиг Пальфи пришел на Ротенштурмштрассе. Ступеньки кажутся ему вдвое выше, чем всегда. Он вешает пальто и шляпу на вешалку. Луиззи играет на пианино? Ей придется прервать это занятие и выслушать его. Он поправляет на себе пиджак, как будто бы собирается на прием к директору театра. Отворяет дверь в комнату.

Девочка поднимает голову и улыбается ему.

— Папочка! Как хорошо! — Она спрыгивает со стула. — Тебе сделать кофе? — И она уже хочет бежать на кухню.

Он останавливает ее.

— Спасибо, нет! — говорит он. — Мне надо с тобой поговорить. Садись!

Он нервно покашливает, делает несколько шагов по комнате и наконец останавливается перед креслом.

— Итак, Луиззи, — начинает он, — речь идет о важном и серьезном деле. С тех пор как твоей матери больше нет, я один. Семь лет. Конечно, я не совсем одинок, у меня ведь есть ты. Да, ведь у меня же еще ты!..

Девочка смотрит на него широко раскрытыми глазами.

«Какую чепуху я несу», — думает мужчина. Он начинает злиться.

— Короче говоря, — решительно произносит он, — я не хочу больше одиночества. — Кое-что изменится. В моей, ну и в твоей жизни. Я снова решил жениться.

— Нет! — громко говорит девочка. Это «нет» кажется воплем. Потом она повторяет тихо: — Не надо, папа!

— Фрейлейн Герлях к тебе хорошо относится. И она будет тебе хорошей матерью.

THE RAIN, STEAM, AND GREAT CENTRAL RAILWAY. BY J. M. W. TURNER. 1847. OIL ON CANVAS. NATIONAL GALLERY, LONDON.

Лотта продолжает трясти головой и беззвучно шевелить губами. Как автомат, который не может остановиться. Это выглядит страшно.

Поэтому отец смотрит на дверь и говорит: — Ты быстро, быстрее, чем сейчас думаешь, привыкнешь к новому положению. Злые мачехи бывают только в сказках. Ты же благоразумная малышка, я это знаю! — Он смотрит на часы. — Так. Мне надо идти. Мы с Лузером репетируем Риголетто. — И он скрывается за дверью.

Девочка сидит будто оглушенная.

Господин Пальфи у вешалки нахлобучивает на свою гениальную голову шляпу.

— Папа! — словно вопль утопающего, доносится из комнаты.

«В комнате не тонут», — успокаивает себя господин Пальфи и удаляется. Он очень торопится. Ведь ему предстоит работать с солистом Лузером!

Лотта очнулась от оцепенения. И отчаяние помогает, и отчаяние подсказывает практические шаги. Что делать? Что-то делать нужно, в этом нет никаких сомнений. Никогда отец не должен жениться на другой женщине, никогда! У него есть жена! Даже если она и не с ним. Никогда девочка не потерпит другой матери, никогда! У нее есть мать, ее горячо любимая мамочка!

Мама могла бы помочь. Но она не должна об этом знать. Она не должна знать о тайне девочек и, самое главное, она не должна знать, что отец хочет жениться на фрейлейн Герлях!

Остается только один путь. И этот путь предстоит пройти ей самой.

Она берет телефонную книгу. Она листает ее дрожащими пальцами. «Герлях». Не так много Герлях. «Герлях, Стефан. Генеральный директор венских гостиниц. Акц. Общ. Кобенцаллея 43». Отец как-то рассказывал, что отцу фрейлейн Герлях принадлежат рестораны и отели и даже «Империал», где они ежедневно обедают. «Кобенцаллея 43».

Рези объяснила, как доехать до Кобенцаллеи. Девочка надевает шляпку, натягивает пальто и говорит:

— Я ухожу.

— Что тебе надо на Кобенцаллее? — удивленно спрашивает Рези.

— Мне надо кое с кем поговорить.

Горничная входит в изящно обставленную комнату Ирены Герлях и улыбается.

— Милостивая фрейлейн, с Вами хочет поговорить какая-то девочка.

Милостивая фрейлейн только что покрыла свежим лаком ногти и болтает руками в воздухе, чтобы лак поскорее высох.

— Девочка?

— По имени Луиза Пальфи.

— А-а-а! — протяжно произносит милостивая фрейлейн. — Пусть войдет.

Горничная исчезает. Молодая дама поднимается, бросает взгляд в зеркало и изображает на своем озабоченном лице улыбку.

Когда девочка входит в комнату, фрейлейн Герлях отдает горничной распоряжение:

— Приготовь нам шоколад! И принеси вафли с кремом! — Затем она приветливо поворачивается к гостье. — Как мило, что ты решила навестить меня! Конечно, я оказалась невнимательной! Я должна была пригласить тебя! Ведь ты бы не отказалась?

— Благодарю вас! — говорит девочка. — Я не надолго.

— Почему? — нисколько не теряя своего дружественно-покровительственного тона, говорит Ирена Герлях. — Надеюсь, присесть у тебя найдется время?

Девочка присаживается на краешек стула и не поднимает на даму глаз.

Та находит, что ситуация не из приятных. Но она умеет владеть собой.

— Ты зашла ко мне случайно?

— Нет. Я зашла вам кое-что сказать.

Ирена Герлях очаровательно улыбается.

— Я вся внимание. О чем же речь?

— Папа сказал мне, что вы хотите за него выйти замуж.

— Он так и сказал? — Фрейлейн Герлях звонко смеется. — А он не сказал, что хочет жениться на мне? Впрочем, это второстепенный вопрос. Да, Луиза, твой папа и я, мы хотим пожениться. И ты и я, мы постепенно пойдем друг друга. Я в этом уверена. А ты нет? Подожди, поживем некоторое время вместе и великолепно подружимся. Вот тебе моя рука!

Девочка отпрянула и решительно произнесла:

— Вы не должны брать себе в мужа моего папу!

Девочка зашла слишком далеко.

— Почему же?

— Потому что вы не должны!

— Не особенно убедительное объяснение, — резко сказала фрейлейн. «Добром здесь ничего не добьешься». — Ты хочешь запретить мне стать женой твоего отца?

— Да!

— Это уже свыше всякой меры! — Молодая дама не могла сдержаться. — Я вынуждена просить тебя отправиться домой. Я еще подумаю, рассказывать ли отцу об этом удивительном визите. Если и не расскажу, то только потому, что я еще надеюсь на нашу будущую дружбу, все еще надеюсь!

У двери девочка еще раз поворачивается и говорит:

— Оставьте нас в покое! Прошу вас, прошу...

И вот фрейлейн Герлях одна.

Осталось одно средство — ускорить замужество. А там ребенка можно запрятать в пансионат. Решено! Здесь могут помочь только строгие чужие руки.

— Что вам еще нужно?

Горничная стоит с подносом в руках.

— Я принесла шоколад и вафли. Где же девочка?

— Убирайтесь к черту!

Господин Пальфи не пришел к ужину, так как дирижировал в опере. Как и всегда в таких случаях, Рези составляет компанию девочке.

— Ты сегодня ничего не ешь, — обеспокоенно замечает она. — Ты словно тень, просто испугаться можно. Что с тобой?

Лотта качает головой и молчит.

Экономка берет ее за руку и испуганно бросает ее.

— У тебя жар! Сейчас же в постель! — и она, причитая и всхлипывая, несет совершенно апатичную Лотту в детскую, стаскивает с нее платье и укладывает в постель.

— Ничего не говори папе! — шепчет девочка. Зубы ее стучат.

Рези наваливает на нее подушки и одеяло. Потом она бежит к телефону и звонит господину доктору Штроблу.

Старый врач обещает скоро прибыть. Он так же взволнован, как и Рези.

Она звонит в государственную оперу.

— Хорошо, — отвечают ей. — В антракте мы сообщим господину дирижеру.

Рези снова спешит в спальню. Девочка разметалась, бормочет что-то несвязное. Одеяло, подушки, простыни — все лежит на полу. Ког-

да же придет господин советник?! Что делать? Компрессы? Но какие? Холодные? Горячие? Влажные? Сухие?

Дирижер взбегает по ступеням на Ротенштурмштрассе. Рези открывает ему. У нее все еще на голове шляпка: была в ночной аптеке.

Советник сидит у постели.

— Что с ней? — тихо спрашивает отец.

— Плохо, — отвечает советник. — Но можете говорить громко, я сделал ей укол.

Лотта лежит в жару, она обложена подушками и тяжело дышит. На лице у нее боль, точно искусственный сон, в который ее погрузил старый врач, причиняет страдания.

— Корь?

— Никакого следа, — ворчит советник.

В комнату входит Рези, вся в слезах.

— Снимите же, наконец, шляпку, — нервно говорит дирижер.

— Да, да, конечно! Извините! — Она снимает шляпку и держит ее в руках.

Советник вопросительно поглядывает на обоих.

— У ребенка сильное душевное потрясение, — произносит он. — Не знаете ли причину? Нет? Может быть, есть предположение?

Рези говорит:

— Я, конечно, не знаю, имеет ли это какое-нибудь значение, но сегодня после обеда она уходила. Она должна была с кем-то встретиться. Но прежде чем уйти, она спрашивала, как лучше доехать до Кобенцаллеи.

— До Кобенцаллеи? — спрашивает советник и смотрит на дирижера.

Пальфи спешит в соседнюю комнату и звонит по телефону:

— Луиза была у тебя сегодня после обеда?

— Да, — отвечает женский голос, — но зачем она тебе об этом рассказала?

Ответа не было дано, но последовал вопрос:

— Что она хотела?

Фрейлейн Герлях зло смеется:

— Попроси ее рассказать!

— Отвечай, пожалуйста!

Счастье, что она не могла видеть его лицо!

— Если говорить точно, она приходила, чтобы запретить мне стать твоей женой! — раздраженно ответила она.

Он что-то буркнул и положил трубку.

— Что еще ей нужно? — спрашивает фрейлейн Герлях. Тут она замечает, что разговор прерван. — Ах, маленькая бестия! — говорит она. — Борется всеми средствами!

Доктор прощается и дает кое-какие указания. Дирижер задерживает его у двери.

— Что с ребенком?

— Нервная лихорадка. Я зайду завтра рано утром. Желаю спокойной ночи.

Дирижер входит в детскую, садится рядом с кроваткой и говорит Рези:

— Идите отдыхать. Спокойной ночи!

— Но может быть, лучше посижу я...

Он смотрит на нее.
Она выходит. Шляпка все еще у нее в руках.
Девочка в беспокойном сне пугается, вздрагивает.

Отец осматривает комнату. Приготовленный школьный ранец лежит на парте. Рядом висит Христли — кукла.

Он тихо встает, берет куклу, гасит свет и снова садится у постели.

Так он сидит в темноте и гладит куклу, как ребенка.

Глава девятая

Шеф-редактор «Мюнхенер иллюстрирте» доктор Бернау стонет:

— Ужасное время, моя дорогая! Откуда взять фотографию на обложку, не крадя ее?

Фрау Кернер, стоящая у стола, говорит:

— «Нейс пресс» прислала фотографию новой звезды по плаванию брассом.

— Она красивая?

Молодая женщина смеется:

— Для пловчихи — да!

Доктор Бернау решительно отмахивается. И тут же лезет в стол.

— Я только что получил от неизвестного деревенского фотографа забавную фотографию. Там близнецы. — Он шарит между папок и газет. — Прелестные маленькие девчушки. Невероятно похожие друг на друга! Это всегда нравятся публике. И надо подходящую подпись. — Он передает ей фотографию.

Фрау Кернер молчит.

— Что с вами! — кричит он. — Кернер! Очнитесь! Или, может быть, вам плохо?

— Немножко, господин редактор! — ее голос дрожит. — Но ничего, проходит.

Она уставилась на фотографию. Она читает на обороте: «Йозеф Айпельдауер. Фотограф. Зееболь на Бюльзее».

В голове у нее все вертится.

— Найдите подходящее увеличение и сочините подпись, чтобы наши читатели посмеялись от души! Это вы великолепно умеете!

— Но, может быть, мы не будем ее давать? — выдавливая она из себя.

— Но почему?

— Я не уверена в подлинности фотографии.

— Двойная съемка, да? — Редактор Бернау смеется. — Слишком много чести господину Айпельдауеру. Он не настолько изощрен! Итак, за работу, прекрасная дама! Подпись еще ждет до утра. Я посмотрю текст, перед тем как вы отдадите его в печать. — Он кланяется и принимается за новую работу.

Она чуть не ошущью пробирается в свою комнату, падает в кресло, кладет фотографию перед собой и сжимает руками виски.

Мысли в ее голове путаются. Ее девочки! Пансионат! Каникулы! Ну конечно! Но почему Лоттхен ничего не рассказала? Почему Лоттхен не привезла с собой фотографию? То, что они сфотографировались вместе, это не

без умысла! Они догадались, что они сестры! И они решили об этом не рассказывать! Это можно предположить, да, конечно. О, мой бог, как они похожи! Одинаковые, чуть прищуренные материнские глаза... О, вы мои обе, обе, любимые!

Если бы редактор Бернау в это время сунул голову в дверь, он увидел бы осунувшееся от счастья и боли лицо, по которому текли слезы — слезы, которые смягчают сердце, потому что в них сама жизнь.

К счастью, редактор Бернау не сунул голову в дверь.

Наконец фрау Кернер решает взять себя в руки. Это значит не опускать голову. Что произошло? Что будет, что должно произойти? Я поговорю с Лоттхен. Мать похолодела. Мысль, точно невидимая рука, сжала ее. А Лоттхен ли та, с которой она хочет поговорить?

Фрау Кернер застала фрейлейн Линнекогель, учительницу, дома.

— Меня удивляет вопрос, с которым вы обращаетесь ко мне, — сказала фрейлейн Линнекогель. — Считаю ли я возможным, что ваша дочь — не ваша дочь, а другая девочка? Позвольте, но...

— Нет, нет, я не сошла с ума, — заверяет фрау Кернер и кладет на стол фотографию.

Фрейлейн Линнекогель смотрит на фотографию. Потом на посетительницу. Потом снова на фотографию.

— У меня две дочери, — тихо говорит посетительница. — Вторая живет у моего бывшего мужа в Вене. Этот снимок попал ко мне несколько часов назад, случайно. Я не знала, что дети на каникулах встретились.

Фрау Линнекогель открывает рот, как карп на прилавке. Качая головой, она отодвигает фотографию.

— И до этого они не знали друг друга?

Молодая женщина качает головой.

— Нет. Мы договорились с мужем, мы думали, так лучше.

— И вы ничего больше не слышали о вашем муже и ребенке?

— Ничего.

— А может быть, он снова женился.

— Я не знаю. Вряд ли. Он считает, что семейная жизнь не для него.

— Совершенно необыкновенная история, — говорит учительница. Когда я заметила изменения в характере Лотты, и почерк... Почерк, фрау Кернер! Я никак не могла ничего понять!.. Но это, пожалуй, кое-что проясняет.

Мать, уставившись в одну точку, кивает головой.

— Не обижайтесь на откровенность, — продолжает фрау Линнекогель, — я никогда не была замужем, я воспитательница, и у меня нет детей... но мне кажется, женщины, настоящие замужние женщины, должны считаться со своими мужьями!

Фрау Кернер горько улыбается.

— Вы думаете, если бы продолжался наш несчастливый брак, дети были бы счастливы?

Фрейлейн Линнекогель задумывается, говорит:

— Я вас ни в чем не упрекаю. Вы и сейчас еще очень молодая женщина! А когда выходили замуж, вы были почти ребенком. И что правильно для одного, то для другого может быть неверно...

Визит окончен.

— И что же вы будете делать?

— Если бы я знала! — говорит молодая женщина.

Луиза стоит перед окошечком на мюнхенской почте.

— Нет, — с сожалением говорит служащий, ведающий корреспонденцией до востребования. — Нет, фрейлейн «Незабудка», сегодня, кажется, опять ничего.

Луиза смотрит на него озадаченно.

— Что бы это значило? — огорченно произносит она.

Служащий пытается пошутить:

— Может быть, «Незабудка» превратилась в «Забудь меня».

Фрау Кернер пришла домой. Сомнение и страх сжимают сердце.

Девочка усердно возится на кухне. Крышки кастрюль гремят. В духовке что-то тушится.

— Сегодня замечательно пахнет! — говорит мать. — Что у нас сегодня?

— Свиная грудинка с тушеной капустой и вареный картофель, — гордо отвечает дочь.

— Как быстро ты научилась готовить! — говорит мать как будто бы безобидно.

— В самом деле? — радостно отзывается девочка. — Я никогда не думала, что я... — Она испуганно замолкает и прикусывает губу. Только бы не заметила мама!

А та бледнеет и хватается за дверь. Белая, как стена.

Девочка стоит у открытого буфета и достает посуду. Тарелки дребезжат словно во время землетрясения.

Тут мать с трудом открывает рот и произносит:

— Луиза!

Кр-р-рах!

Тарелки осколками разлетаются по полу. Луиза выронила их. Ее глаза широко раскрыты от страха.

— Луиза, — с нежностью повторяет мать и раскрывает объятия.

— Мамочка!

Девочка, как утопающая, виснет на шее матери и неудержимо рыдает.

Они стоят среди разбитых тарелок. На плите жарится свиная грудинка. Пахнет горелым мясом. Вода из кастрюль с шипением плещется на огонь.

Мама и дочь ничего этого не замечают.

Прошли часы. Луиза «исповедалась». И мать дала ей полное отпущение всех ее «грехов».

И вот они сидят на софе. Ах, как хорошо, что можно наконец рассказать всю правду! И на душе становится так свободно, так легко!

— О вы, мои коварные женщины! — произносит мать и вздыхает.

Луиза озабоченно смотрит на нее.

— Да, — говорит мать, — я думаю о том, что же теперь будет? Сможем ли мы теперь жить так, будто бы ничего не произошло? Луиза решительно трясет головой.

— Лоттхен, наверное, очень тоскует по тебе. И ты тоже по ней, не правда ли, мама?

Мать кивает.

— И я — тоже, — подтверждает девочка. — По Лоттхен и по...

— И по отцу, да?

Луиза кивает. Кивает решительно и в то же время робко.

— Если бы я только знала, почему Лотта больше не пишет?

— Да, — шепчет мать. — Это меня тоже беспокоит.

Окончание следует

Оформление
Т. Капустиной

Месяц март писатель-натуралист Виталий Бианки называл «Дотерпи до весны». А дотерпеть зверюшкам и птицам трудно... Особенно птицам. В лесу холодно, пусто и голо. Ледяной коркой покрыта земля...

Особенно плохо зимой приходится птицам... Подсыпайте в кормушки семена конопли и овса, тыквенные, подсолнечные, дынные и арбузные семечки, подкладывайте сушеные плоды рябины и шиповника. Подвешивайте на ветках деревьев на бечевке кусочки несоленого сала. И наши маленькие друзья смогут дотерпеть до весны.

КАКИЕ ДЕРЕВЬЯ?

Зимой деревья стоят, известное дело, без листьев. И на первый взгляд, все они одинаковы. Но присмотритесь вни-

зимой в декабре в ущелье Талгар странных по строению крыльев комариков. Я думал, что моя находка первая. Но оказывается, комарика обнаружили на несколько лет раньше меня в Гималаях. Он был настолько оригинальным, что для него пришлось установить новое семейство и новый род. Вид для науки, разумеется, тоже был новый. Назвали его Дейтерофлебия мирабилис. Только комарика ученые добыли летом под снегами высоко в горах, на высоте более трех тысяч метров над уровнем моря. Моя же зимняя находка была новостью.

Объяснялась она довольно просто. Предки комарика, по всей вероятности, жили в далекий ледниковый период на равнинах. В то время немало насекомых приспособилось жить в суровой обстановке короткого лета среди снега и льдов. Но когда климат земли стал теплее, льды отступили и многие — назовем их «ледниковые» — насекомые погибли, не сумев приспособиться к потеплению. Там же, где были высокие горы, как здесь на Тянь-Шане, они сохранились, поднялись к вечным снегам и живут там летом. Зимой же их можно встретить и ниже. Такого удивительного комарика я и встретил. Не боящегося холода...

Профессор П. МАРИКОВСКИЙ

БОСИКОМ ПО МОРОЗЦУ...

Дело было зимой, в алма-тинском зоопарке. Открыв клетку, шимпанзе Ека вышла на волю и отправилась гулять по парку. Казалось, она любила зимней природой. Люди заметили Еку, но шли на некотором расстоянии и поймать не решились: шимпанзе ведь обладает большой силой и лучше не шутить...

На свежий снег ложились невиданные следы, похожие на следы пресловутого «снежного человека». Обезьяна переходила от дерева к дереву и иногда вскарабкивалась на ветки. Странная, непривычная это была картина: обезьяна не на пальме, а на заснеженном

мательно, и вы увидите, что их нетрудно различить. Какие же деревья стоят в лесу?

НЕ БОЯЩИЕСЯ ХОЛОДА

Рано утром я спешу взглянуть на термометр сквозь оконные стекла, чуть тронутые утренним морозом. Сегодня минус двадцать. Небо чистое. Днем можно ожидать около нуля, а может быть, и больше, значит, едем в горы. Там, на снегах, сверкающих белизною, весной можно найти снежных насекомых.

Есть такие насекомые. Несколько лет тому назад я нашел

стройном тополе... Люди очень волновались: как бы Ека не простудилась!

И тут пришла старая служительница зоопарка Анастасия Гордеевна Рутковская. Ека узнала ее еще издали и скорее соскочила с дерева. Ковыляя по снегу, Ека подбежала к Анастасии Гордеевне, обняла ее за шею и крепко поцеловала. А люди засмеялись и захопали в ладоши. Скоро Ека уже сидела в своей клетке, а все в зоопарке тревожились: не повредила ли ей долгая про-

Олененок быстро скакал, приближаясь к стаду. Но олени вдруг повернулись и, как по команде, бросились бежать от олененка. Они приняли его за волка! Ужас охватил все стадо. Олени помчались по тундре не разбирая дороги. Олененок гнался за ними не отставая. Вскоре их не стало видно...

Если стадо повернет поперек ветра и до оленей донесется запах олененка, олени успокоятся и примут малыша.

М. ЗВЕРЕВ

ПОЧТА „ЗЕЛЕНых СТРАНИЦ“

Давайте беречь змей!

Недавно я купил книгу «Опасные тропы натуралиста», где описывается жизнь змей и полза, которую они приносят. И я заинтересовался ими. Перечитал еще много книг о змеях. Как, оказывается, большинство людей плохо к ним относятся! У нас, к примеру, на Кобяковом городище велось строительство. Какие ужасные истории про змей рассказывали строители: «Змеи прыгали на нас, гонялись за нами!» Ежедневно там убивали двух-трех гадюк. А ведь обыкновенная гадюка съедает за лето до трех тысяч мышей и крыс — разносчиков опасных заболеваний: чумы, холеры, брюшного тифа. Многим большим яд змей помог спасти жизнь. Давайте же беречь змей — наших санитаров!

Юнкор
Юра Огурицов,
Ростовская обл.

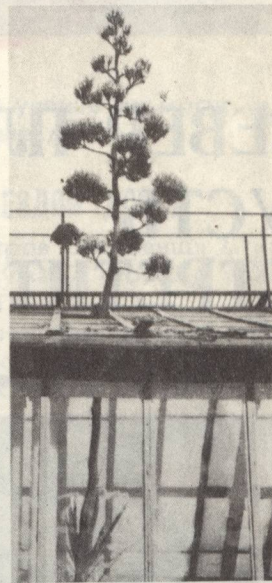
ПРИШЛОСЬ РАЗБИРАТЬ КРЫШУ...

Недавно в Ботаническом саду впервые за время его существования зацвела агава. Вообще-то родина агавы — пустыни Мексики. Агава — растение-гигант. Большой лист агавы, бывает, весит 10 килограммов. Листья — хранилища влаги. Но однажды наступает момент, когда запасы воды, которые агава копит всю жизнь, расходуются в несколько недель. Это — когда агава

цветет. Растение выбрасывает огромную — до двенадцати метров — стрелку с бесчисленными цветками. На рост такой стрелки и расходуются все силы агавы.

Когда же зацвела наша агава, пришлось разобрать крышу оранжереи!

На фотографии хорошо видно, как поникли, потеряв всю свою влагу, когда-то мощные листья агавы...

Е. НИКОЛАЕВ
Фото автора

ЛЕСНАЯ ГОСТИНИЦА

Туристские тропы завели меня в этот ухоженный, чистый от сучьев и отживших деревьев лес, в котором я не встретил ни одного больного дерева.

«Как в парке», — подумал я, выходя на веселую полянку.

И тут я увидел, что на двух рогулях-подставках лежит дерево, все источенное лесными вредителями. Я долго ходил вокруг, ломая голову: для чего оно? Но тут ко мне подошел паренек лет тринадцати, в пионерском галстуке и сказал:

— Мы взяли шефство над лесом. А это — бревно-ловушка для лесных вредителей. Они такие деревья любят и с удовольствием в них поселяются и яички откладывают. А мы потом эту лесную гостиницу со всеми обитателями — жуками-короедами, гусеницами, личинками — из леса вон...

П. МОЧАЛОВ,
Арзамас

гулка босиком по снегу. Но утром Ека принялась улетать все, что ей дали на завтрак, и люди успокоились. До этого у Еки был как раз плохой аппетит. Значит, зимняя прогулка пошла ей на пользу...

А. СИНЯВСКИЙ

ПАНИКА ОЛЕНЬЕГО СТАДА

В тундре Заполярья мы варили обед на костре на берегу безымянной речки. Вдали замелькало, приближаясь, что-то серое. Это бежал по тундре олененок. Он отстал где-то от табуна и блуждал теперь, жалобно покрикивая.

В это время до нас долетел какой-то шум. Это двигалось по тундре стадо диких оленей. Со всех ног олененок бросился к стаду. Но олени испуганно остановились. В бинокль было видно, как они насторожили уши и раздували ноздри. Но ветер дул от них на олененка, и они не могли его учуять и понять, кто приближается к ним, — все олени близоруки.

„СЕВЕР ПЛАНЕТЫ ПУСТЬ ВСТРЕТИТСЯ С ЮГОМ...“

Семиклассник Игорь Кузьмин учится в ленинградской шестьдесят седьмой школе. Эта школа не совсем обычная — здесь изучают испанский язык. Прошедшим летом Игорь принимал участие во Всемирном фестивале молодежи и студентов на Кубе. Свои впечатления о встречах с ребятами других стран он записывал в особую тетрадку. Вот строки из этой тетрадки.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С КУБИНСКИМИ МАЛЬЧИШКАМИ

Наш самолет приземлился в аэропорту имени Хосе Марти, и мы поехали в Гавану. Все волновались и смотрели в окно: скоро ли приедем? Я тоже смотрел в окно и ждал. Вдруг автобус нырнул в туннель. Тысяча километров — длина этого туннеля! Вот наконец впереди — белый квадратик, выход. Выехали — и глазам не поверили. Море уже было с другой стороны, а мы оказались в самом центре Гаваны, на знаменитой набережной Малекон. Удивительная набережная: широкая, машины едут в восемь рядов.

На парапете много мальчишек, они удят рыбу. Набережная — яркая, праздничная, кругом флаги фестиваля, лозунги. На домах веселые карнавальные маски, ленты, цветы. Дома разноцветные, красные, синие, белые. Яркое светит солнце.

В этот же день в Международном пионерском лагере Варадеро — кубинском «Артеке» — познакомился с Пепито Марлонио Эчеверрия. Этот мальчик приехал из Камагуэя, в своей школе он председатель совета дружины. Пепито подарил мне эмблему, какие носят у них председатели совета дружин. Обещал научить играть в бейсбол.

Море здесь нежно-голубое, а вода — теплая-претеплая. Купались часа два. Если бы было можно, не вылезал бы из воды сутки!

Пепито спросил, пробовал ли я кубинское мороженое. Я сказал нет. Он куда-то убежал и притащил две порции. Очень вкусное, но не похоже на наше...

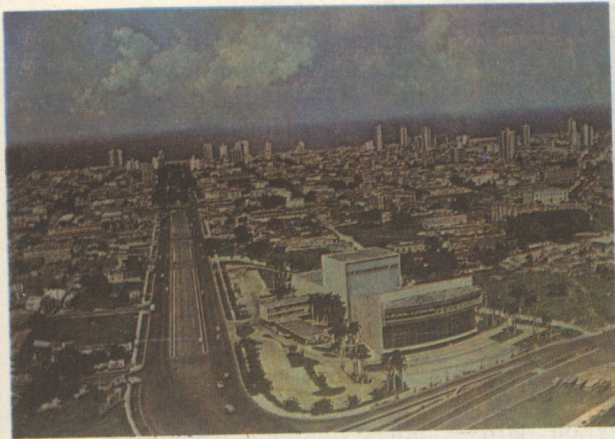
УЧИМ КУБИНСКУЮ ПЕСНЮ „ГУАНТАНАМЕРРА“

Играли в футбол со сборной Африки. У африканцев в команде ребята из Мозамбика, Алжира, Конго и Гвинеи-Бисау. Могла быть ничья, но Костя Макаров за несколько минут до конца игры хорошо сыграл головой, и счет стал 3:2. Мы победили.

Вечером ребята учили любимую песню кубинских пионеров — «Гуантанамерра». Вот когда пригодилось знание испанского языка!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЛИДАРНОСТЬ ДЕТЕЙ МИРА!

В Гаване состоялось заседание международного трибунала «Молодежь обвиняет империа-

лизм». Руководитель рассказал нам, что на заседание трибунала пришел один учитель, он приехал из Зимбабве с двумя ученицами. Он сказал, что, пока в стране хозяйничают колонизаторы, дети Зимбабве будут несчастны.

На сцену вышла его маленькая ученица: «За что убили моих мать и отца? За что уничтожают всех нас?» Девочка говорила тихо, но в зале плакали.

31 июля проводился митинг солидарности в защиту детей всего мира.

На этом митинге мы познакомились с Эдуардом Альбертом Рико, он из Колумбии. Расспрашивали, как живут их ребята. Оказывается, многие дети в Колумбии живут в плохих (картонных!) домах, плохо питаются, не могут учиться в школах (родители не могут заплатить за обучение!)

Через два дня мы познакомились с пионером из Мексики и Венесуэлы. Лесаро Карденас Батель, сын служащего, приехал из Мехико. Он рассказал, что у него на родине многие дети крестьян и рабочих живут в плохих условиях, голодают, не ходят в школу. Школ и больниц не хватает. Мария Лехандра Мартин из Венесуэлы записала в моем блокноте: «Моя страна — страна капитализма. Она очень богатая: у нас много нефти. А народу живет плохо. Обучение стоит дорого. Некоторые

родители заплатить за учебу не могут, и поэтому есть неграмотные дети».

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ ДОМОЙ

Когда я читал «Остров сокровищ» Стивенсона, я не мог и подумать, что мне удастся побывать на острове Пинос.

Этот остров — бывшее пристанище морских пиратов. Там находилась самая страшная тюрьма, где держали участников штурма Казарм Монкада. И самого Фиделя Кастро. Эта тюрьма превращена в музей, где мы тоже побывали.

Показали нам и школу-интернат. Замечательно живут кубинские школьники. У них много общего с нами. Например, они охотно помогают взрослым во время уборки урожая. Нас угостили кокосовым молоком. Вкус непривычный, но мне понравилось...

И вот — день отъезда. Мы получили много подарков-сувениров — открытки, значки.

Нашему колумбийскому другу оставили на память вымпел КИДа, на нем слова Джанни Родари: «Север планеты пусть встретится с югом, запад — с востоком, а дети — друг с другом!»

С этим желанием — больше знать друг о друге, помогать друг другу в борьбе за мир — мы и вернулись на Родину!

Фото Б. Задвия и Ю. Ростовцева

Несколько лет назад я получил письмо от шестиклассницы Люды Гавриловой. Она писала: «Почему для мальчишек все делается, а про девочек совсем забыли? Я тоже хочу играть в хоккей, а мальчишки не берут в дворовую команду. Говорят, не девчачье дело...»

Что я мог ответить? Да, конечно, для девочек это дей-

БОМБАРДИРЫ С КОСИЧКАМИ

Рассказывает заслуженный тренер СССР В. МЕНЬШИКОВ

ствительно трудная игра. Почему бы тебе не заняться другим видом спорта, скажем, художественной гимнастикой. Так я и ответил, но письмо не отправил. И верно поступил — Люда была права.

Уже более ста лет существует женский хоккей в странах Европы, Азии, Америки, Австралии. Проводятся чемпионаты мира, и имена лучших хоккеисток звучат так же внушительно, как и хоккеистов. В Австралии, например, женских команд почти вдвое больше, чем мужских. Правда, играют в этот хоккей летом, на

Арифметические ребусы Оли МИЛЛЕР из села Викторка Кокчетавской области. Одинаковым буквам в каждом примере соответствует одна из цифр. Но в другом примере буквы имеют уже другое значение. Подставьте вместо букв цифры так, чтобы пример был правилен с точки зрения арифметики. Возможно, что примеры имеют не по одному, а по нескольку решений.

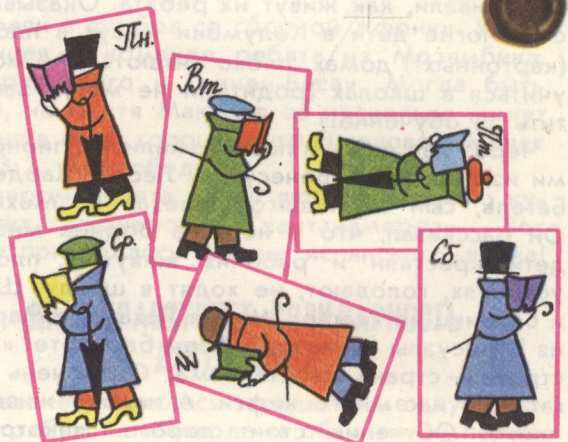
$$\begin{array}{r} \text{С У П} \\ + \text{Н А Ш А} \\ \hline \text{О Б Е Д} \end{array}$$

$$\begin{array}{r} + \text{Ш А Ц} \\ \text{Х О Д} \\ \hline \text{М А Ц П} \end{array}$$

$$\begin{array}{r} + \text{В О Д А} \\ \text{С О М Б} \\ \hline \text{О К Е А Н} \end{array}$$

Нам стало известно, что самозванец, выдающий себя то за председателя, то за секретаря клуба «За семью печатями», желая остаться неузнанным, ежедневно меняет свой гардероб. Однако нам удалось установить что его переодевания имеют некоторую определенную закономерность. Приглядитесь к тому, как был одет самозванец в предыдущие дни недели и определите как он будет одет в субботу.

Составил и оформил В. УФЛЯНД

зеленом травяном поле, и пра-вила у него особые, но по кра-соте и динамичности он не уступает своим зимним со-братьям — хоккею с мячом и шайбой.

Наверное, немногие знают, что летний хоккей — самый древний на земле вид спорта. В долине Нила, на одной из пирамид ученые обнаружили большие изображения игроков с изогнутыми палками и мя-чом. Ну, а возраст пирамид известен.

До недавнего времени у нас не только не играли в травяной хоккей, но и не знали о нем. Вернее, забыли. Еще в начале тридцатых годов московские динамовки организовали ко-манду и даже провели несколь-ко показательных матчей, од-нако новая игра не прижилась в столице. Прошло сорок лет. Казалось бы, все идет нор-мально — мальчишки гоняют шайбу, «слабый пол» художе-ственной гимнастикой занима-ется. Но оказалось, девчонки тоже хотели играть в хоккей. Не дожидаясь приглашения, они сами взялись за клюшки.

Почти одновременно появи-лись команды сначала в Анди-жане и Черновцах. Потом — в Москве, Ульяновске, Ново-сибирске, Алма-Ате... В октяб-ре прошлого года в газетах

сообщали о ходе первого Все-союзного финала, проходивше-го в Ташкенте. Я рад, что ко-манда Московской области, которую я тренирую, заняла там второе место. Не так давно Международный Олимпийский комитет включил женский хок-кей в программу Олимпиады-80. Сейчас известен только один участник олимпийского тур-нира — сборная СССР. Хозя-ева Олимпиады имеют право выставить команду без отбо-рочных состязаний.

Мы получаем очень много писем. Некоторые девочки се-туют: нет тренеров, нет хок-кейного снаряжения, площадок и так далее. Чтобы ответить всем сразу, я расскажу одну историю.

Однажды я пришел после тренировки домой, а мне сооб-щают:

— Тебе из Читы звонили.

Я попытался вспомнить, нет ли у меня в Чите знакомых? Кажется, нет. Да и не был я там никогда.

— Может, какая-нибудь ошибка?

— Да нет, по имени-отчеству назвали.

Через два дня на тренировке ко мне подошла незнакомая девушка.

— Здравствуйте, я приехала из Могочи. Есть такой городок

недалеко от Читы. Зовут меня Нателла Красникова.

— Очень приятно. Что же привело вас в Москву?

— Хочу играть в хоккей.

— А вы когда-нибудь виде-ли, как играют?

— Нет, но я слышала. Тре-нировалась сама, с клюшкой от хоккея с мячом. Я вас очень прошу, дайте мне попробовать поиграть...

Нателла вышла на поле, и мы рты раскрыли — да ведь это самородок! Конечно, не хватало техники, но силе и точности ее удара могли бы позавидовать многие. Сейчас она не только ведущий игрок в нашей команде, но и лучший бомбардир сборной СССР.

Вы можете сказать: так Нателла — талант! Правильно. Но я убежден, что настоящих спортивных талантов у нас много. И придет время, когда летний хоккей станет у нас в стране поистине массовым видом спорта, когда он шагнет в школы и пионерские лагеря, когда мы сможем на равных сразаться с признанными ми-ровыми авторитетами. Наде-юсь, это время уже не за го-рами.

Мы ждем вас, бомбардиры с косичками!

Записал А. ТОЛСТИКОВ
Фото Ю. Соколова

Кроссворд «Птицы» почетного члена клуба Наташи ВДОВИНОЙ из деревни Воецкое Башкирской АССР состоит только из названий птиц. Некоторые буквы уже проставлены в клетках. Для тех, кто впервые приступает к решению кроссвордов, напоминаем: буквы названий вписываются по одной в каждую клетку слева направо и сверху вниз. При этом на пересечении вертикалей и горизонталей в клетку должна попасть одна и та же буква.

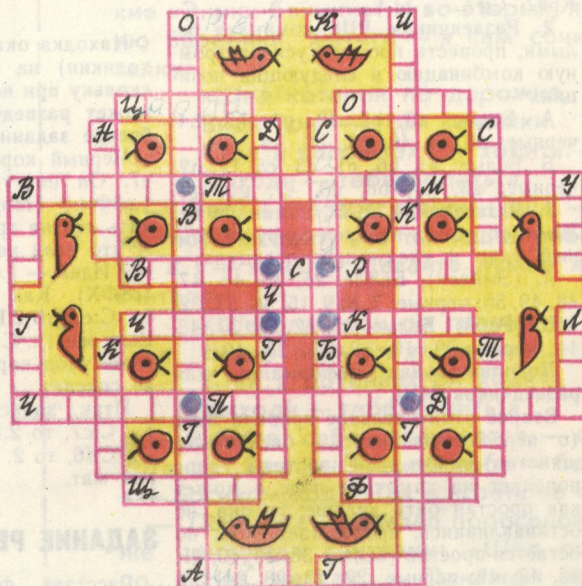
ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 2

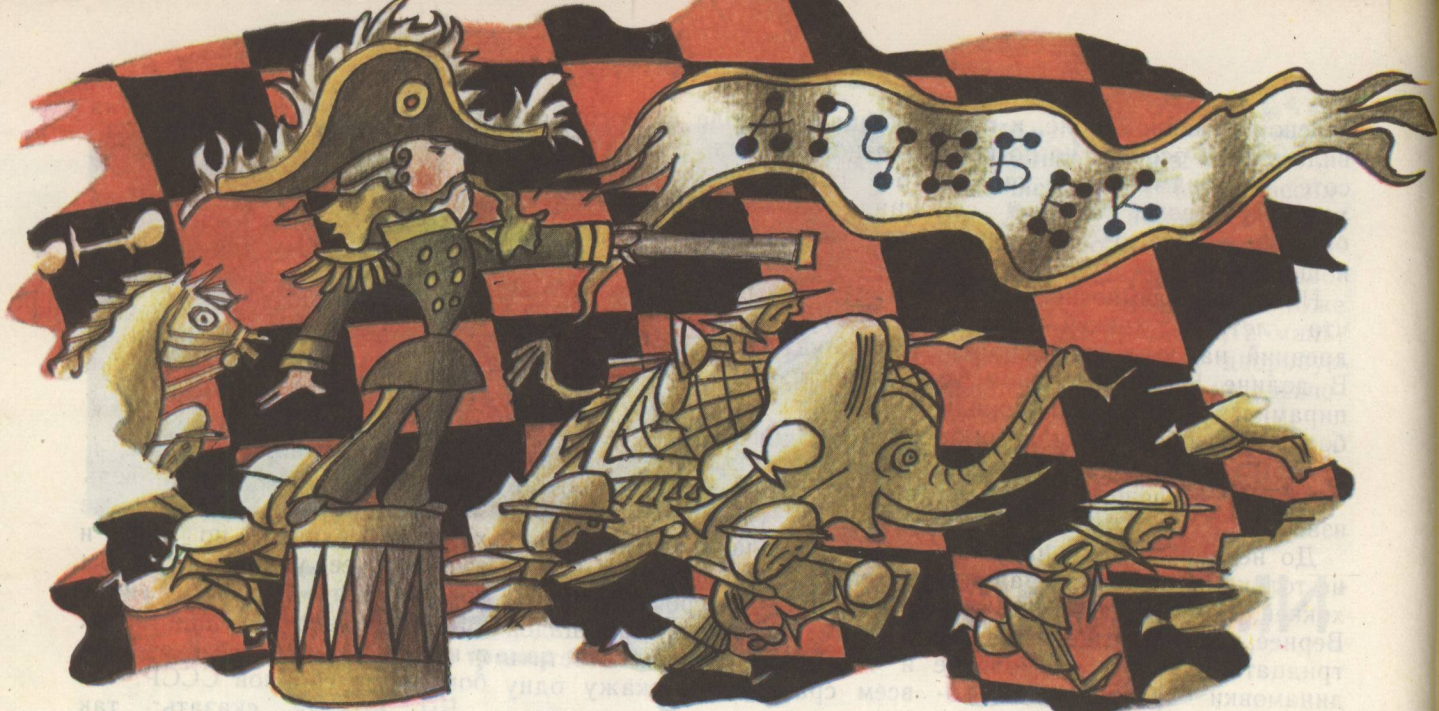
Чайнворд «Космос». Гагарин — Нереида — Астро-граф — Фесенков — Волк — Козерог — Галактика — Апокс — Спутник — Космодром — Марс — Сфера — Арктур — Радиант — Тропосфера — Амбарцумян — Надир — Рак — Кеплер — Регул — Луна — Астро-навт — Телескоп — Параллакс — Сириус — Солнце — Единорог.

Кроссчайнворд. 1. Талант. 2. Торт. 3. Трактат. 4. Томат. 5. Тракт. 6. Табурет. 7. Терцет. 8. Турист. 9. Триест. 10. Тент. 11. Триолет. 12. Текстолит. 13. Танкист. 14. Тавот. 15. Транспорт. 16. Трут. 17. Трест. 18. Ташкент. 19. Термит. 20. Транзит. 21. Текст. 22. Тост. 23. Такт.

Ребусная картинка: Изба, ива, куст, вода, волк, коза, ворота.

Одна из примет самозванца: один его конек беговой, другой — фигурный.

ЧЕМПИОНАТ — 79

Доблестные разведчики! В штаб АРЧЕБЕКА поступило сообщение о том, что некий неизвестный, укрывшийся под кличкой Гусь, всюду хвастливо заявляет, что он одержит победы в сражениях с арчебековцами и в шахматах (ШХМ), и в русских шашках (РШ), и в международных шашках (МШ).

Штаб АРЧЕБЕКА призывает дать Гусю решительный отпор! А для этого предлагает отважным разведчикам ШХМ, разведчикам РШ и разведчикам МШ немедленно отправиться в...

РЕИД ТРЕТИЙ

Боевое задание.

1. Разведчикам ШХМ, командуя белыми, беспощадно объявить Гусю мат в три хода в следующих позициях —

А. (А. Максимовских). Белые: Крf5, Фh3, Лg5, Сg8, п.f3, h7; черные: Крh8.

Б. Белые: Крf7, Ла6, Лf8; черные: Крh7, Сg7.

2. Разведчикам РШ, командуя белыми, провести против Гуся разгромную комбинацию в следующих позициях —

А. Белые: а3, б2, f2, g1, h2, h4; черные: d6, f4, f6, g7, h6, h8.

Б. Белые: а1, б6, с1, с3, с5, f2, h2; черные: а3, а7, б8, d8, e7, g5, g7.

3. Разведчикам МШ, командуя белыми, обрушить на Гуся сокрушительный удар в следующих позициях —

А. (Эмбден). Белые: 25, 35, 45, 47, 48, 49, 50; черные: 7, 8, 9, 15, 36, 37, 38.

Б. (Роой). Белые: 29, 32, 35, 37, 43, 44; черные: 9, 10, 18, 20, 23, 40.

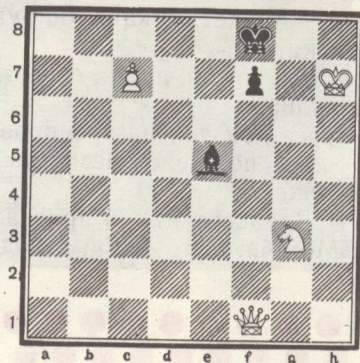
Дополнительная информация для разведчиков МШ.

Второе отличительное правило МШ (о первом говорилось — бить большинство) такое: если простая с удара попадает на дамочное поле и может как простая бить дальше, то она, не останавливаясь, продолжает бить, но остается простой (белые: 38, 39, 40, 41, 43, 47, 49; черные: 22, 23, 28, 31, 35, 36. После 1.47—42! 35:33 (большинст-

во) 2.38:27 черные обязаны бить — 36:38 (их шашка осталась простой). А тогда — 3.43:23 31:22 4.23—18Х.

СТОЛ НАХОДОК

Разведчики Ловкий и Проворный доставили сюда диаграмму.

Находка оказалась задачей (Г. Заходякин) на мат в три хода. А поскольку при ней есть решение, она поможет разведчикам ШХМ выполнить боевое задание третьего рейда.

Черный король намерен ударить на e7. Он поступит так и в ответ на 1.с8Ф+. Попробуйте тогда заматовать его на третьем ходу! Не выйдет. А что если не пустить его сейчас на e7? Идем — 1.Фf6! Черным грозит мат (с8ФХ). Как им защищаться? Если 1... С:c7, то 2.Кf5 и потом мат ферзем. Если же 1... С:f6, то 2.с8Ф+, и теперь даже уход короля на e7 от мата его не спасает.

Итак, записываем: 1.Фf6! И если 1... С:c7, то 2.Кf5 и затем мат, а если 1... С:f6, то 2.с8Ф+ и опять-таки затем мат.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ!

Расставь фигуры — белые: Крh1, Се7, Кg7, п.h6; черные: Крг3, Фе5.

Ход белых. Яростный противник угрожает объявить им мат. Ты это видишь? А теперь подай белым такую команду, чтобы победу одержали они. Возьми в плен черного ферзя!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 1 решаются так:

Чемпионат — 79. Шахматы. А. 1.Сb1! Б. 1.Лg6! В обоих случаях, как бы черные ни ответили, они получат мат.

РШ. А. 1.e5! 2.e3Х. Б. 1. cd2! и черные спастись не смогут.

МШ. А. 1.23—19! 2.36—31Х. Б. 1.29—24! и, какую бы шашку черные ни побили, другая пойдет на 19, а затем 44—40Х.

«Задание резерву!» Шах — 1. Лb8+, мат — 1. Ла1Х, пат — 1. Лb7.

Главкомандующий АРЧЕБЕКОМ приказывает всем арчебековцам завести «Листок учета». Разведчики записывают по 5 очков за каждый правильный ответ на задачи Чемпионата—79, а начинающие — на задачи «Задание резерву».

Узнавать, верен ли ответ, следует в «Бюро самопроверки». «Листок учета» разведчики отправят в штаб АРЧЕБЕКА после седьмого рейда, а те, кто в резерве, — после десятого боевого задания.

ПРИКАЗ № 3

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§1. Всем арчебековцам отрапортовать о выполнении заданий до 15 мая.

§2. Рапорты писать на открытках!

§3. В рапорте должно быть только донесение о заданиях Чемпионата или рубрики «Задание резерву!» Все другое писать и посылать отдельно.

§ 4. В левом верхнем углу открытки указать номер рейда и свой пароль.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ПОДРУЖКИ

Говорит катушке нитка:
— Без тебя мне просто пытка.
Отвечает ей катушка:
— Обними меня, подружка!

А. КРЕСТИНСКИЙ

Рисунок Ю. Устиновой

8

СТРАНИЧКИ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

ПРОТАЛИНКИ

Солнце на завалинке
подшивало валенки
дратвой золотистой,
ниточкой лучистой.
Где ступали валенки,
там теперь — проталинки.

Гайда ЛАГЗДИ

Рисунок Г. Ясинск

СЧИТАЛКА

СКАЗКА

Как-то утром, когда солнечные зайчики весело прыгали в лужах, котенок Яша вышел погулять. Во дворе его уже ждали друзья: гусенок Гоша и поросенок Хрюша.

— Во что будем сегодня играть? — спросил котенок Яша.

— Я предлагаю в прятки, — сказал гусенок Гоша. — кто знает хорошую считалку?

— Я знаю! — сказал поросенок Хрюша и стал считать:

«Эники-беники
ели вареники...»

— Нет-нет, — вмешался котенок, — мне эта считалка не нравится. Во-первых, кто такие «Эники-беники»? И во-вторых, я не люблю вареники. Хотите — я сам сочиню считалку:

«Шел котенок по дорожке,
Видит он — стоят сапожки.
Стал в сапожках он ходить.
Выходи — тебе водить!»

— Нет, — сказал гусенок Гоша, — это нечестно! Выходит, что ты нашел себе сапожки, а я — ничего? Давайте лучше я сочиню считалку:

«Шел гусенок по тропинке,
Видит он — стоят ботинки.
Стал в ботинках он ходить.
Выходи — тебе водить!»

— Ничего себе получается, — обиделся котенок Яша. — Значит, тебе — ботинки, а я — босиком ходи? Так я играть не согласен!

— Погодите, — сказал поросенок, — я тоже придумал считалку: «Шел поросенок по...» Нет, не так. «...Однажды поросенок шел по тропинке. Видит — стоят красивые сапожки. Идет дальше. Видит — ботинки

4

ЗАГАДКА

Сосулька с рисунком
Висит за окном.
Висит и зимою
и летом.

Я утром встаю
И по ней узнаю,
Во что быть
сегодня одетым.
(жинэАтед)

Инна ГАМАЗКОВА
Рисунок А. Король

ТОПОЛИНАЯ ВЕТКА

РАССКАЗ

В марте я принес тополиную ветку и поставил в банку с водой.

Ветка стояла, стояла, потом выпустила листочки. Внизу показались белые нити корешков. За окном снег, а у нас дома — зеленая ветка!

Постепенно листья стали чахнуть и опадать: дереву надо расти в земле — в воде ему плохо.

Было уже тепло. Я выкопал во дворе ямку напротив окна, посадил ветку в землю и полил. Ветка поникла, но потом выправилась. Листья на ней окрепли, и ветер, который гнул деревья, был не страшен.

2

стоят. Новые. Взял поросенок сапожки и подарил котенку Яше. А ботинки — гусенку Гоше. Выходи — тебе водить!»

— Ха-ха-ха! — засмеялся котенок. — Какая же это считалка! Она ведь совсем не складная!

— Нескладная, зато справедливая, — возразил гусенок. — Теперь у меня есть ботинки, а у тебя — сапожки. Только вот у поросенка... Хрюша, а почему ты себе ничего не нашел?

— А мне не нужно, — ответил поросенок. — И потом, разве вы не знаете, что самое приятное, это когда даришь что-нибудь своим друзьям?

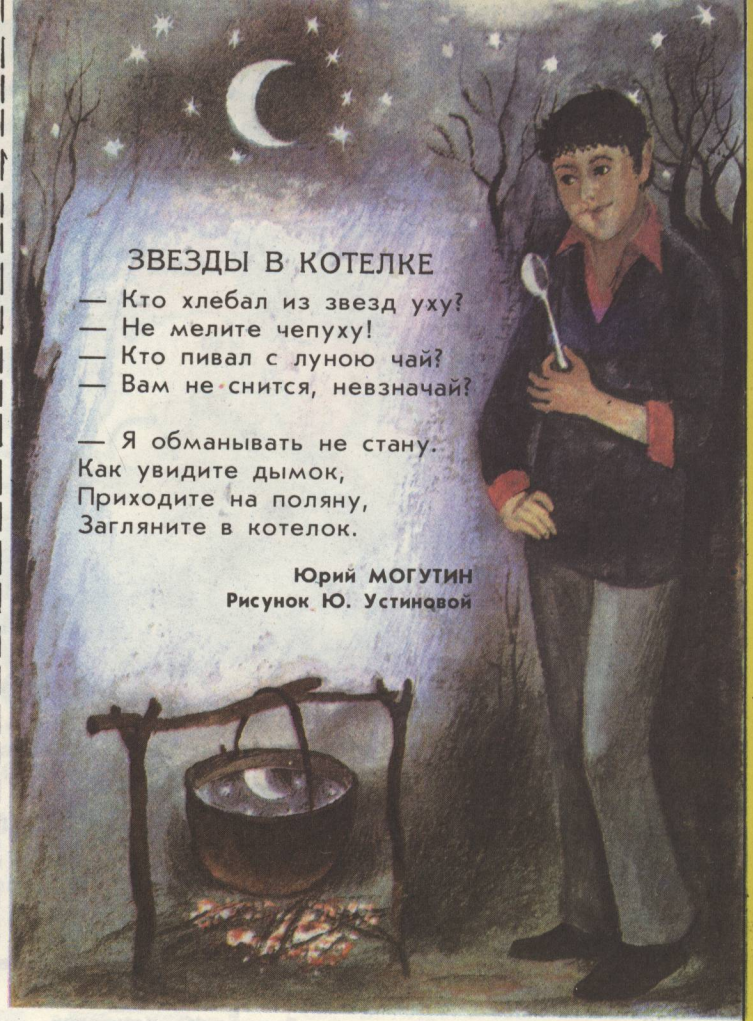
— Знаем, знаем, — закричали котенок Яша и гусенок Гоша. — Только мы про это забыли!

И друзья стали играть в прятки.

Леонид КАМИНСКИЙ
Рисунки М. Беломлинского

6

ЗВЕЗДЫ В КОТЕЛКЕ

— Кто хлебал из звезд уху?
— Не мелите чепуху!
— Кто пивал с луною чай?
— Вам не снится, невзначай?

— Я обманывать не стану.
Как увидите дымок,
Приходите на поляну,
Загляните в котелок.

Юрий МОГУТИН
Рисунок Ю. Устиновой

7

Прошло время, из ветки вырос высокий тополь. На нем укрепили скворечню. В скворечне поселились скворцы и вывели скворчат.

Я смотрю в окно на скворцов, и мне приятно.

Рюрик ПОПОВ
Рисунки С. Кочаровского

8

Знаменитый французский химик Бертелло был очень честолюбив и всю жизнь добивался новых и новых должностей, которые ничего общего с химией не имели. Наконец он стал министром! И тогда один литератор написал в газете: „Предлагаем на суд публики эпитафию, которую следует высечь на камне будущего надгробия месье Бертелло: „ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ БЕРТЕЛЛО. И ЭТО ЕДИНСТВЕННОЕ МЕСТО, КОТОРОГО ОН НЕ ДОБИВАЛСЯ“.

Французский писатель Флобер был большим ценителем книг. По соседству с его домом жил буржуа, обладавший библиотекой, книги которой, сказать по правде, он не читал. Однажды Флобер послал к нему слугу с просьбой дать на время нужную Флоберу книгу. Буржуа ответил запиской: „Сударь! При всем моем уважении к вам ни одна книга не может быть вынесена из моего дома. Приходите и читайте книги у меня...“

Дня через два к Флоберу постучал слуга этого самого буржуа и попросил лейку для поливки цветов. Флобер послал записку: „Сударь! При всем моем уважении к вам ни одна лейка не может быть вынесена из моего дома. Приходите и поливайте цветы у меня...“

Один царский генерал очень любил подражать Суворову и испытывать неожиданными вопросами своих подчиненных. Инспектируя летний лагерь, он вдруг спросил дежурного офицера:

— Скажи-ка, голубчик, когда Великая Армада проследовала мимо Англии?

— Думаю, что в полдень, ваше превосходительство, — отвечал офицер, — как раз тогда, когда я проверял в палатках солдат амуницию!

О мужестве и героизме	1
Как живет аэродром	
рассказ Б. Никольского	2
Тында — БАМ — Беркалит	
из путевого блокнота	
художника Г. Ковенчука	6
Стихи твоих ровесников	9
Барабан	
журнал юнкоров	10
Художник Честняков	
рассказ Л. Кузьмина	14
Всегда готовы!	
очерк В. Морозова	19
Кумачовые косынки	
зарисовка	
А. Гостомыслова	21
Мой край — целина	
рассказы В. Манзи	22
Кто знал, что так получится?	
рассказ А. Моргуна	24
Какая она, высота?	
заочный спортклуб	
«Кузнечик»	26
Маленький кенгуренок Куу-Пуу	
австралийская сказка	27
Мы смотрим в мир	28
Морская газета	30
Близнецы	
повесть Э. Кестнера	32
Зеленые страницы	40
«Север планеты пусть встретится с югом»	
из фестивального	
дневника	42
Бомбардиры с косичками	
рассказ заслуженного	
тренера СССР	
В. Меньшикова	44
Арчбек	
шахматы, шашки,	
отдел ведет	
заслуженный тренер СССР	
Ю. П. Барский	46
Уголек	
странички для малышей	47

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
В. И. МАТВИЕНКО,
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. редактора),
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор Г. М. МАЛИКОВА

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград,
Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-09944. Сдано в набор 4.12.78 г. Подписано
к печати 26.01.79 г. Формат 60×90 1/18. Печ.
л. 6. Усл.-печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7.4. Печать офсет-
ная. Тираж 637 000 экз. Заказ 3415. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном ко-
митете СССР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли. 197101, Ленинград.
П-101, ул. Мира, 3.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАТРОСА КОШКИНА НА ШХУНЕ „УДАЧА“

Текст О. ОРЛОВА

Рисунки

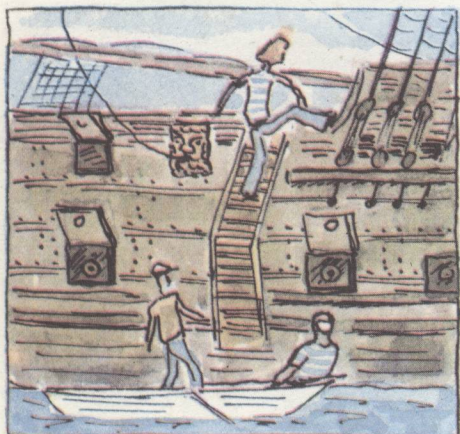
Б. Цыганкова

— На горизонте — пиратский корабль!

— Товарищ капитан! Неужели в наши дни бывают пираты?

— На море всякое случается... Но этот корабль — покинут командой... Нужно его осмотреть!

— Вот это да! Старинный парусник! Наверное, трюмы набиты сокровищами!

— Вот они, сокровища!

— Какой ужас! Здесь скрыто какое-то преступление!

— Старинные монеты!

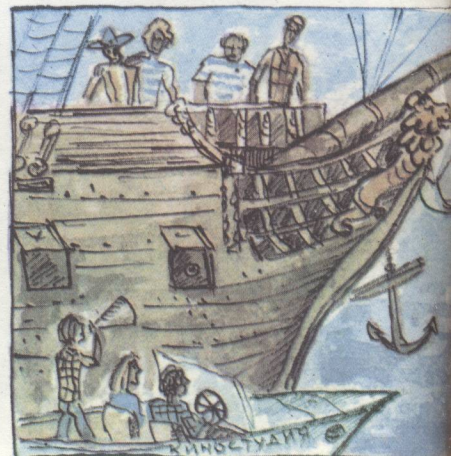
— Это же корабль мертвецов! Много-много здесь не нравится...

— Не бойтесь, Кошкин... Скелеты — из пластмассы...

— А золото — из картона...

— Просим посторонних покинуть каравеллу. Начинаем съемку приключенческого фильма «Сокровища пиратского корабля!»